

ХОДЯЧИЕ

второй шаг

ПОСЛЕДНИМ
СЕРИАЛА
«ХОДЯЧИЕ ПОРЯДОК»
(THE WALKING DEAD)

анна зимова

Анна Сергеевна Зимова
Ходячие. Второй шаг
Серия «Ходячие»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12244349
Ходячие. Второй шаг: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092059-4

Аннотация

Наши дни. Рейс Пхукет – Санкт-Петербург, и всего 14 пассажиров на борту, которым через несколько часов предстоит столкнуться с необъяснимым. Догорающие самолеты на взлетной полосе, как будто вымерший аэропорт, молчащие телефоны.

Теперь этим четырнадцати предстоит попытаться ответить на вопрос, ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ С МИРОМ? – но не всем им даже суждено покинуть зал прилета...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Зимова

Ходячие. Второй шаг

© Анна Зимова, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

Желаем вам приятного полета

Даша спешила по проходу с подносом, нагруженным баночками колы, когда за спиной сказали: «Руки вверх!» Даша вздрогнула. Одна из банок, упав, покатила под дальний ряд кресел. Даша обернулась и посмотрела прямо в дуло направленного на нее пистолета. «Руки вверх», – повторил преступник и угрожающе качнул оружием в ее сторону. «Сева, – мать заставила мальчишку опустить пистолет, – поешь уже, наконец». И сказала Даше равнодушно: «Извините». Даша пошла за новыми банками колы.

Бортпроводница II класса Дарья Шишмарева подозревала, что рейс будет неудачным. Об этом говорили дурные приметы. Можно, конечно, не обращать внимания на предвещения, но... Капитан Сергей Горецкий споткнулся на трапе, да так, что чуть не упал. С кем не бывает, скажете вы, тем более если человек выпил. Но добавим к этому воробья, залетевшего в салон. И выданную прямо накануне рейса новую летную форму. Хотя бы все обошлось. Ведь погода – самое то, и пассажиров немного. А все равно беспокойно.

По дороге в секцию с напитками Даша притормозила возле компании молодых людей. Красивые ребята, украшение рейса. «А в следующем году можно съездить на Бали», – мечтательно говорила одна из девиц, весьма эффектная. Обращалась она будто бы ко всем, но поглядывала при этом только на своего спутника, черноволосого красавца. Но тот молчал, обмякнув в кресле и закрыв глаза.

подавая им несколько раз напитки, Даша, особо и не прислушиваясь, узнала едва ли не всю подноготную компании. Два товарища поднакопили денег и свозили своих длинноногих подружек в Таиланд. С ними летела и совсем молоденькая, шустрая, но далеко не столь привлекательная девица – один из парней зачем-то взял с собой еще и сестру. Сестра всю дорогу сидит с кислым лицом. И поделом, нечего увязываться за влюбленными парочками. Но не перипетии их отношений волновали Дашу. Ее беспокоил молодой черноволосый красавец.

– Не желаете ли чаю? – Склонившись над ним, Даша украдкой принюхалась. Спиртным не пахнет, а парень всю дорогу вялый. Что-то с ним неладно.

Красавчик лишь махнул рукой.

– У вас все хорошо? Если что, этим рейсом летит врач. Он сидит в хвосте. Такой... с золотыми волосами.

– Все нормально! Что вам еще нужно? – вспыхнул парень, открыв глаза, которые оказались ярко-голубыми, со зрачками как агатовые бусины.

Даша вежливо кивнула и отошла.

Через проход застыл в своем кресле и уставился на нее в упор очень странный тип. У мужчины такие жидкие волосы, что их следовало бы вовсе остричь, а он зачем-то отрастил их до самых лопаток и собрал в жутковатый крысиный хвостик. И глаза неприятные – слишком уж цепкие, приметливые. Гражданин, по всем признакам, аэрофоб. Попросил место у аварийного выхода. Нервничает и до сих пор не расстегнул ремень.

– Вы можете отстегнуть его, если хотите, – предложила Даша.

– Спасибо, мне и так удобно.

«Знал бы ты, – думала она, протягивая ему с широкой улыбкой леденец, который он отверг взмахом руки, – как надоели нам труссы вроде тебя. Ты здоровый мужик, возьми себя в руки». Но вслух она спросила лишь:

– Что будете есть?

– Мне воду.

– А поесть?

– Спасибо. Мне ничего не нужно.

Ну на нет и суда нет.

Напарница Жанна, проходя мимо, с ехидной улыбкой обронила:

– Твои любимчики тебя вызывают.

– Господи, что им опять надо...

Мимо этой семьи с несносным ребенком Даша уже старалась ходить на цыпочках. Не только мальчик, вся семейка – полный вперед. Есть пассажиры, которые считают своим долгом попросить все, что, как они думают, причитается им по праву во время полета. Просто – выньте и положьте. «Даже если мне это не нужно. Я купил билет, я имею право требовать».

– Что вы хотели?

– Извините, это сын нажал кнопку.

– Вы не могли бы попросить мальчика не вызывать персонал без нужды?

Женщина лишь пожала плечами, мол, ребенок, что с него взять:

– Но, раз уж вы здесь, дайте воды. Мужу надо запить таблетку.

– Какие-то проблемы?

– Просто частит пульс, – отрезала женщина, – дайте уже воду.

Лицо у мужа страдальческое. Достаточно посмотреть на эту розовую лоснящуюся физию, чтобы понять – симулянт, на таких пахать надо. А он глотает таблетку с таким видом, будто сейчас умрет. Словно почувствовав ее раздражение, пара стариков, что сидела через проход, побоялась лезть с просьбами.

– Какой вам сок? – спросила Даша, и дама с седой кичкой замахала руками:

– Да нам все равно.

Идеальный тип пассажира, дисциплинированный, ненавязчивый, благодарный. Все бы такими были.

Но это еще цветочки. Настоящая «ягодка», или «фрукт», если хотите, сидит в бизнес-классе. Господин Самохвалов – известный дебошир. Находится в черном списке сразу трех авиакомпаний. Если летит Самохвалов, весь персонал должен хоть одним глазом за ним следить, чтобы он чего не натворил. Он приставал к стюардессе Nordwind Airlines и отколошматил стюарда, который сделал ему за это замечание. На рейсе авиакомпании «Россия» Самохвалов вообще прорвался в кабину пилотов, применив при этом силу. Об этом даже говорили в теленовостях.

Сейчас Игорь Самохвалов, единственный пассажир бизнес-класса, вел себя относительно спокойно.

– Быстрее нельзя было? – спросил он, когда Даша подала колу.

Нет, она не ненавидит свою работу, честное слово. Ей есть за что ее любить. Просто день сегодня такой... нехороший. Тревожно как-то. Давление, может, или нервы. Как прикажете их беречь при такой-то работе?

Снова вызывает семья с ребенком. Почему бы им не поспать для разнообразия?

Жанна, подводя губы слишком уж темным карандашом, посмотрела на нее с сожалением:

– Сколько раз тебе повторять? Не давай сесть себе на шею. Прикинься, что не расслышала.

– Я так не умею.

Что Жанна, что Рома – оба умеют напустить на себя равнодушие. Есть лица, глядя на которые сразу понимаешь – с этим не забалуешь. У Жанны – красивое, всегда немного усталое и равнодушное. У Ромы, если честно, глуповатое. Рома специально делает вид, что чего-то напутал, забыл. Что взять с рыжего конопатого растяпы?

– У вас есть йогурт меньшей жирности? – спросила мать мальчика, когда Даша снова встала перед ней во фронт. – Мне все-таки ребенка кормить.

«Никаких проблем. Я только корову подою», – подумала Даша, но выдавила улыбку:

– Я что-нибудь поищу.

Недавно их, бортпроводников компании U-Tair, заставили пройти тренинг, на котором объяснили: во времена жестокой конкуренции сервис должен стать еще лучше, поэтому пассажиру нужно угождать. Выяснить как можно больше о его вкусах и привычках. О предпочтениях в еде. Есть ли у него аллергия или какое другое заболевание, способное «прихватить» прямо в полете. И улыбаться, улыбаться, улыбаться. В общем, выполнять все требования «в пределах разумного». Всякий раз, когда говорят «улучшение качества обслуживания», жди, Даша, хлопот. Обязанностей у тебя прибавится, а зарплата останется прежней. И кто скажет, где кончаются «пределы разумного» и начинаются капризы?

* * *

Странный рейс. Всего четырнадцать пассажиров, и так много беготни. Даша не разделяла рейсы (которых за ее плечами было уже полтысячи) на длинные и короткие, на ночные и дневные, на зарубежные и российские. Рейсы, по ее мнению, бывают лишь двух категорий – удачные и неудачные. Те, на которых все идет по плану, и те, на которых все наперекосяк. На которые, будто сговорившись, приобрели билеты одни стервецы и придиришки. Этот рейс с самого начала можно было причислить к неудачным. Сговор, цель которого довести ее до белого каления, налицо. Но есть среди пассажиров и приятные исключения.

– Простите, можно вас на минуточку, – подозвала женщина с бледно-розовым шрамом почти во всю щеку. Есть еще интеллигентки, которые не щелкают пальцами перед стюардессами, скромные милые женщины вроде этой. Вот подруга ее – по всему видно, штучка еще та. Ультрамодная прическа, холеное лицо. Такая прыща у себя не допустит, не то что шрама. Зачем ей эта серая мышка? Может, это вообще ее служанка, а не подруга?

– Разумеется.

– Скажите мне правду. Что-то случилось?

– Почему вы так решили?

– Трясет же, – почти прошептала женщина.

– Небольшая турбулентность, не о чем беспокоиться.

«Скажите мне правду...», «То, что нас трясет, это опасно?», «Хватит ли у нас горячего?», «Почему мы кружим над городом назначения?», «Может ли у самолета отвалиться крыло?». (Крыло почему-то вызывало больше всего вопросов, будто у самолета ломаться больше нечему.)

«Ох, дорогие мои, а вы уверены, что хотите знать, как все обстоит на самом деле? Если бы я, Дарья Шишмарева, взялась вдруг говорить правду, и только правду на протяжении всего полета, половина из вас вообще перестала бы летать». Вот она объявляет по громкой связи дежурное: «Наш полет проходит по плану. Командир корабля Сергей Горецкий желает вам приятного полета». А как вам понравится правда: «Да, все, действительно, идет по плану. Горецкий пьян и спит себе спокойно. Как обычно. Плевал он, что все знают, что он в зюю. Как человека, его можно понять – у него погибла жена. Запил мужик. Но как профессионал он, конечно, перегибает. Но ничего, к прилету он проспится и самолет посадит. Он все еще первоклассный пилот».

Или: «Дружная команда нашего лайнера сделает все, чтобы полет был для вас приятным». «Как же – дружная. Скоро глаза друг другу выцарапаем. Второй пилот, Якушев, собирается писать докладную записку на Горецкого. Так что, может, того скоро попрут из авиации. Жанна и Рома, разумеется, ее подпишут. Им осточертело это пьянство. А я не подпишу.

Мне Горецкого жалко. Еще я имела глупость с ним переспать, хотя знала, что он ни о ком, кроме своей покойной жены, не думает и всегда будет любить ее одну. Теперь Жанна с Ромой потешаются надо мной, отпускают шуточки, после которых жить не хочется. Хоть увольняйся. А Горецкий... Я не уверена, что он вообще помнит, что между нами произошло. Наверное, я дура».

Еще пассажиры очень любят, когда начинают разносить напитки и еду. Для них это – кульминация полета. Тут-то они стюардессам спуску не дадут. Но хоть раз сказать бы им: «Уважаемые товарищи пассажиры. Сейчас я открою вам секрет. Вы, наверное, удивитесь, но я вообще не обязана вас кормить и бегать к вам с водой и соком. В моих должностных инструкциях ясно и четко написано, что я должна спасти вас в случае чрезвычайной ситуации (тьфу-тьфу-тьфу), а так же – откачать, если вам станет вдруг плохо. Все. Про еду там нет ни слова. Сами почитайте. Обеды с „курицей“ и „рыбой“, из-за которых вы устраиваете скандал, – это не что иное, как акт доброй воли. И вообще, что вы зациклились на этой еде, будто вы из голодного края? Мы летим на скорости семьсот километров в час через зону турбулентности. Но в момент, когда вы чувствуете еду, вам плевать на опасность. Пусть трясет, пусть проливается кипятком – главное, получить во что бы то ни стало свою порцию. Да подавитесь. Спасибо за внимание». Да, ее работа – сплошное лицемерие.

Мама мальчика вызвала ее снова.

– Почему так долго заняты туалеты? – поинтересовалась она. – Это безобразие, в какой ни сунешься, везде закрыто.

«Как бы вам сказать, дамочка. В хвостовой кабинке уединилась со своим парнем одна из фиф. Потом ребята сядут на свои места и будут до конца полета загадочно улыбаться, будто совершили что-то из ряда вон». Если бы они знали, сколько таких парочек, которые непременно хотят трахнуть в воздухе, прошло через их авиакомпанию, то не гордились бы так. Но нет, каждый думает, что открыл Америку. Никому прежде не приходило в голову заняться сексом в самолете, а им вот пришло. Смех да и только.

Но дамочка попалась настойчивая:

– Вы считаете это нормально, что ребенок уже битый час не может посетить туалет?

Похоже, не найти Даше сегодня пары минут, чтобы проглотить чашку чая. Жанна-то с Ромой уже по два раза пили, а ей, видимо, не судьба. Что ж за день-то сегодня такой. Самохвалов залился уже под самое горлышко. На извинение по поводу не вовремя поданного напитка обозвал коровой.

И когда дама вызвала ее в очередной раз, Даша уже готова была вспылить.

– Скажите, вы считаете, что это нормально? – Каждое свое обращение женщина начинала с этой фразы.

– Прошу прощения, но туалет еще не освободился. Мне очень жаль. Потерпите, пожалуйста.

Но дама, оказывается, вызвала ее не из-за туалета. Она показывала пальцем на кое-что в иллюминаторе. Когда Даша увидела, о чем идет речь, она, честное слово, сразу же позабыла, что Самохвалову нечем запивать виски, и что это может его разъярить. И про трахающуюся парочку в туалете она позабыла. Да про все она позабыла. Потому что такое она видела за свои две тысячи часов полета в первый раз.

* * *

Он – диспетчер. Нельзя об этом забывать. А если он диспетчер, то ему нужно что-то сделать. Но что? Приливы странной тошноты накатывали все чаще. Тело выворачивает наизнанку, суставы ломит, будто в них вместо костного мозга свинец.

Он жал это круглое, маленькое, которое называется «кнопка», и пытался произнести слова. Очень важные слова, от которых зависит жизнь десятков людей. Но слов не получалось. Язык лишь бессильно скреб небо. Он – диспетчер. Две точки на мониторе, движущиеся навстречу друг другу, – самолеты Боинг#747 и SuperJet#100. Одна точка идет прямо, другая сверху вниз. Странное дело, он забыл, как его зовут, но помнит, как называются эти точки. Когда они встретятся, наконец, случится страшное. Он обязан каким-то образом это предотвратить. Он – диспетчер. Он снова и снова понукал себя собрать – нет, не силы, а остатки духа, заставлявшего дышать, смотреть. Глядя на то, как приближаются друг к другу серые точки, он приказывал руке – жми, приказывал рту – говори, но тело не подчинялось командам.

Чего он хочет? Чтобы Боинг и SuperJet не встретились? Зачем это ему нужно, он вспомнить не мог.

Какая-то сила ломала тело, заставляла его двигаться по-новому, делать то, чего он не хотел. Когда он понял, что не может говорить, то начал писать. Сначала у него получалось. Но постепенно буквы стали превращаться в месиво из закорючек, не имеющих смысла. Сейчас он не мог прочесть то, что написал минуту назад. Более того, он и не помнит, о чем писал. И как называется то белое, на чем он писал. Помнит только, что он диспетчер. Каким-то образом все эти изменения связаны с тем, что у него идет кровь. Еще одна задача, которую ему теперь не под силу решить, – откуда взялась кровь? А она уже пропитала пиджак и рубашку.

Черт с ней, с кровью. Он смотрел на монитор, жал кнопку. Между Боингом#747 и SuperJet#100 осталось всего ничего. Нужно им сказать! Заставь свой чертов язык шевелиться, издавать звуки! Но все попытки были тщетными.

Еще пара секунд – и самолеты встретятся. Даже если он сможет заговорить, это уже не спасет их. Но в тот момент, когда две серые точки должны были слиться в одну и навсегда пропасть с экрана радара, случилось невероятное. Одна из них, поднявшись чуть повыше, буквально на какой-то миллиметр, прошла над второй. И вот они уже миновали друг друга. Осталось сделать еще кое-что. Он не знает зачем, но понимает одно – это нужно совершить во что бы то ни стало. Взяв канцелярский нож, он что есть силы воткнул его себе в горло. Лезвие-бритва вошло в плоть легко. Боли не было. Он сидел за рабочим столом и втыкал нож себе в глотку, методично, размеренно. Он сделал все что мог.

* * *

Второй пилот Боинга#747 Виктор Якушев судорожно пытался понять, что он делает не так. Битый час он, нажимая кнопку на штурвале, старается добиться сигнала от диспетчеров. Поначалу отсутствие связи лишь озадачило его, не больше. Сбой техники? Потом Якушев принялся крутить ручку переносного приемника, но на всех частотах были лишь помехи. Пару раз, правда, Якушеву казалось, что он слышит сигнал, будто с ними хотят выйти на связь. Но диспетчеры молчали. Или это храпит спящий рядом Горецкий?

Он поколдовал с панелью между сиденьями и перенастроил приемник на частоту, которая мониторится спасательными службами, – снова ничего. Это уже не лезет ни в какие ворота. Поняв, что никак не может пообщаться с землей, Якушев занервничал по-настоящему. Нет, не из-за того, что нет связи, а потому, что его положение становится двусмысленным. Можно, конечно, разбудить Горецкого и спросить совета у него. Но, если это он, Якушев, что-то напутал с техникой, Горецкий станет насмехаться. Скажет, что кто-то не может даже кнопки правильно нажимать. Лучше и спокойнее будет, если он сам разберется.

Просить помощи у Горецкого не стоит еще по одной причине. Нельзя быть обязанным тому, кого ты собираешься наказать. А наказать капитана давно пора. Горецкий спит

не потому, что выбился из сил за штурвалом. Он пьян. И это обычное его состояние в последнее время. Да, у Горецкого – опыт. Он налетал более десяти тысяч часов. Но если пилот начал пить, значит, место ему теперь на земле. Все, конечно, знают, что у командира горе. Но лакать коньяк перед полетом и во время него – преступление. Преступление, которое он, Якушев, собирается пресечь. Будет Горецкому и докладная, и судебное расследование Якушев прислушался. Вот – опять, кажется, кто-то пробивается к ним – но снова – тишина.

Как же ему не нравятся самонадеянные типы, которые плевать хотели на долг, на устав. И что самое неприятное – все капитана покрывают. Стюардессы вообще души в нем не чают. С чего бы, спрашивается? Что в нем вообще приятного? Циничные шутки? Щетина? Запах перегара? Даша уже два раза просовывала голову в дверь, но, увидев, что Горецкий спит, уходила. Просила сказать ей, когда капитан проснется, чтобы она принесла кофе. Кофе! В прежние времена ему светил бы трибунал, а они ему – кофе! Почему все носятся с преступником и хамом? Да чтоб вас всех.

Нет, нельзя позволять Горецкому над собой смеяться. Второй пилот Якушев уже передумал будить капитана, когда в поле его зрения – нет, не появился, а буквально ворвался – SuperJet#100, переливающийся всеми оттенками жемчуга. Величественный, как небесный дворец, он шел сверху прямо на них. Солнце играло на круглых боках, и можно было различить, как мелко трясутся закрылки. И тогда Якушев стал бить Горецкого по щекам. Яростно, отчаянно. Разумеется, для того, чтобы разбудить капитана, достаточно было потрясти его за плечо, но тогда он о том не подумал. SuperJet#100 уже смотрит на него в упор, и на его тупоносой морде маска удивления. Мелькнула мысль: «Горецкий умер и не проснется». Но капитан открыл глаза, мутные, красные, но вполне живые, и посмотрел осмысленно. Молча схватился за штурвал.

Следующее, что увидел Якушев: SuperJet уже под ними и, лениво крутясь вокруг собственной оси, время от времени демонстрирует брюхо, как издыхающая рыба.

* * *

Он попробовал обтесать ножку стола топориком. Не бог весть какой острый, но лучше в Квартире все равно ничего нет. Зато удобно лежит в руке. С оружием не так страшно. Надо не волноваться, а звонить маме. Она обязательно ответит. В Квартире надежная крепкая дверь. Много вкусного. Никто сюда не проникнет.

Каждые пять минут или даже чаще он хватал телефон. Мама не отвечает на звонки. Что это означает? В лучшем случае она потеряла телефон. В худшем... Про это лучше не думать.

Он будет вести себя правильно. Мама говорит, что он умный. И он ее не подведет. Он сделал все, что она сказала, когда звонила в последний раз. Закрыв все шторы, все жалюзи, оставив лишь маленькие зазоры, через которые можно изучать окрестности. Он не пользуется шумными приборами, чтобы не привлекать внимания. Он закрылся и будет впускать только тех, кто неопасен.

Зажурчавшая вдруг кофеварка заставила его подскочить. Сразу же раздался звонок в дверь. Стараясь не шуметь, он посмотрел в глазок. Плохо, что линза искажает лица, не давая возможности отличить тех, кого можно впускать, от тех, кого впускать нельзя.

Сегодня звонили уже три раза, и он никому не открыл. На этот раз за дверью стоял знакомый человек. Парень, который пару раз в неделю приносит бесплатные газеты. В них реклама мебели, посуды, бытовой техники. Картинки и текст напечатаны на плохой бумаге, поэтому газеты пачкают руки, и они от них отказываются. Но парень продолжает ходить в Квартиру. И сейчас он жмет кнопку звонка, прося, чтобы его впустили.

Вспоминаем, о чем говорила мама. Все должны быть подвергнуты проверке.

– Кто там? – спросил он.

Этих двух слов вполне достаточно. Сейчас парень должен произнести свое дежурное: «Возьмите газетку, пожалуйста». Но тот молчал.

– Кто там? – повторил он громче, уже понимая, что парня, конечно же, не впустит.

* * *

Горецкий потер подбородок. Щетина уже довольно убедительная. И щека почему-то горит. Голова трещит умеренно. Кофейку бы. Но в том, чтобы просить кофе сразу после того, как он увел самолет от столкновения, было нечто суетное. Ситуация требовала хотя бы непродолжительного молчания.

Ручка штурвала самолета – один из самых удобных рычагов для управления транспортом. Она будто создана для мужской ладони. Но он схватил ее так грубо и дернул на себя так резко, что ободрал кожу.

Якушев смотрит слишком уж пристально. Это шок. Сполохи пламени от горящего SuperJet#100 остались позади. Пассажиров лишь тряхнуло, некоторые пролили чаек на колени. Горецкий снова потер щеки и поморщился, когда щетина кольнула свежую ссадину на ладони. Летчики часто отказываются бриться перед рейсом – дань приметам, которые в авиации чтут. Но он, Горецкий, бриться попросту поленился.

– Что ты его так близко подпустил? Хотел получше рассмотреть?

– Я не знал про него, – прошептал Якушев пересохшими губами и добавил робко, как школьник, не выучивший урок: – У нас не работает связь. Вообще.

– Все у нас работает, – мрачно констатировал Горецкий, покрутив по очереди все ручки приемника.

– Почему тогда никого не слышно? Я все частоты перепробовал. Я что, по-твоему, идиот?

– Это – пожалуйста, если тебе так нравится. Но мы ничего не слышим потому, что нам просто не отвечают. Сигнал есть – диспетчеры молчат.

По лицу Якушева промелькнуло облегчение, которое сразу сменилось озабоченностью.

– Садитесь, видимо, будем вслепую, – кивнул Горецкий и нажал кнопку вызова бортпроводницы: – Дашенька, где там мой кофе? Разве я не заслужил?

* * *

Даша уже давно усвоила: пассажиры вечно нервничают из-за ерунды, тогда как настоящие неприятности остаются для них «за кадром». Когда в иллюминаторе появился SuperJet#100, все, кто прежде так волновался из-за небольшой тряски, даже не сообразили, что их рейс постигли настоящие проблемы. Крики были, но не те, которых следовало ожидать.

– Дай, дай я сяду к окну! – завопила подружка черноволосого красавца. – Егор, да поменяйся ты со мной местами! Я с ним сфотографируюсь!

– Сядьте быстро на место и пристегнитесь! – Даша буквально толкнула ее в кресло.

– А почему увезли тележку с напитками? – спросила девица.

– Да сядьте вы!

Их чуть не задело крылом другого самолета, а она беспокоится о чае.

Лишь когда небо под ними вдруг расцвело сполохами, похожими на оранжевые облака, девица, наконец, завопила от ужаса. «Если бы ты знала, что у нас нет связи и мы в буквальном смысле идем под Богом, то запела бы еще громче», – горько усмехнулась про себя Даша.

* * *

Якушев снова был на грани истерики. Остервенело нажимая кнопку связи с диспетчерами, забыв о радиозтикетке, он матерился, призывая ответить хоть кого-нибудь. Происходящее напоминало дурной сон. Страх, растерянность – и никакой помощи, никаких разъяснений. А уже пора начинать снижение. Горецкий даже не смотрит в его сторону – уставился воспаленными глазами перед собой.

- Может, до Финляндии? – предложил Якушев, но Горецкий процедил:
- У нас перерасход топлива. Всю дорогу встречный ветер. Будем садиться в Питере.
- Но нет же никакого сигнала!
- Решение о посадке принимаю я. Точка.

Виктор Якушев тер ладонью лицо, бешено глядя на командира.

- Объявляю посадку в «Пулково», – заявил, наконец, Горецкий.

И тут Якушев, у которого окончательно сдали нервы, закричал: «Нет!» И сделал то, чего делать нельзя ни при каких условиях, – схватил руку главного пилота, которая уже опустилась на рычаг. И сразу же получил молниеносный удар в нос, такой точный и стремительный, что Якушев едва не потерял сознание.

– Сука! Ты у меня под суд пойдешь! Я тебе обещаю, ты сядешь! – взвыл он. Впервые Якушев позволил себе кричать на командира. Самолет, черпнув воздух носом, стал плавно снижаться.

- Соберись, – попросил Горецкий. – Другого выхода нет. Верь мне.

Зажав нос пальцами, Якушев метнул на первого пилота полный злости взгляд, но тот будто не замечал. И тогда, наконец, пассажиры услышали твердый и приветливый голос: «Говорит капитан корабля Сергей Горецкий. Мы приступили к снижению и приблизительно через двадцать минут совершим посадку в аэропорту „Пулково“. Просьба всех занять места и пристегнуть ремни». Но, как только они вынырнули из облаков, стало понятно – посадка будет, мягко говоря, проблемной.

* * *

За годы работы Даша навиделась разновидностей человеческого страха. Достаточно заглянуть в глаза пассажиров, когда происходит что-то незапланированное. Перспектива рухнуть с высоты заставляет человека сбросить все напускное и стать самим собой. И сейчас будто ветер прошел по салону, срывая со всех маски.

Под ними как на ладони простирался Петербург. Уже можно было различить флаг на крыше Константиновского дворца. Скопление машин на шоссе: фуры, легковушки, автобусы. Обычная картина. Но пейзажу, открывшемуся их взглядам, не хватало динамичности. Машины стояли, сгрудившись на дороге хаотично, застыв в самых разных положениях. Дом в каких-то ста метрах от дворца горел, но ни одна пожарная машина не стремилась к нему, прося всех расступиться. Не прорывались к президентской резиденции и полицейские, вращая мигалками. По другую сторону шоссе гигантской гусеницей извивался по земле сошедший с рельсов товарный состав; из вагонов высыпались щебенка и песок.

Наконец, впереди показалось летное поле, на котором факелами полыхало сразу несколько самолетов. Даша автоматически сосчитала: четыре. От одного остались лишь обломки хвостовой части, все остальное рассеяно по земле.

– Как нам между всем этим садиться? – Сама того не желая, Даша сказала это вслух и обе фифы сразу завизжали.

- Сохраняйте спокойствие! Не вздумайте вставать, – рявкнула Даша.

Мозг работал на всех оборотах, заставлял подмечать мелочи, на которые раньше она не обратила бы внимания. Она не ошиблась, когда решила, что в компании молодежи не все так гладко и сладко, как могло показаться. Оба парня сразу же дали понять, что девицы значат для них не слишком много. Один бросил подружку и пересел назад, к сестре.

– Вернитесь на свое место! – Даша потянула его за руку, но парень оттолкнул ее и, обняв сестренку, принялся ее успокаивать.

Его девица пыталась перехватить внимание бойфренда. «Стас! Вернись!» – орала она, заламывая руки, и Даша готова была поклясться, что, даже несмотря на опасность, девушка немного переигрывает. Вот так-то, милая. Секс в туалете, конечно, очень тонизирует, но тут – семья, родная кровь. Черноволосый красавец, который всю дорогу томно дремал в кресле, обнял свою подругу, но обнял дежурно, равнодушно. Она льнула к нему, дрожа всем телом. Нужно признать, за себя парень, кажется, не слишком волновался. В глазах у него был не страх, а, скорее тоска.

Оба старика суетливо покопались в карманах и извлекли что-то маленькое. Сначала Даша подумала – таблетки, но пригляделась и поняла, что пара достала свои обручальные кольца, которые они сняли в полете, когда стали отекают пальцы. Сейчас старики, торопясь, натягивали кольца обратно. «Они хотят, чтобы их смогли опознать, если мы упадем», – поняла Даша. И от этой догадки, от того, что старики, надев кольца, сразу же взяли за руки, зашипало в глазах. Даже в такой момент эти люди заботятся о том, чтобы не доставить хлопот спасателям.

Отец вредного мальчика позабыл о своих недомоганиях, хотя теперь лицо у него стало таким красным, что понятно – давление зашкаливает. Родители посадили сына между собой и сдвинулись, стараясь укрыть его своими телами. Женщина со шрамом сидит бледная и неподвижная. Оказывается, когда у нее в лице ни кровинки, шрам из бледно-розового становится красным, как свежая рана.

– Иииииииииии, – вдруг завывла несчастная и принялась рваться с кресла.

Слава богу, с перепугу она забыла, как отстегивается ремень. Женщина не отдавала себе отчета в том, что делает. Подруга ловко вlepила ей пару пощечин и прижала к своей бурно вздымающейся груди. Даша была ей очень признательна.

Она принялась трясти спящего Самохвалова, но тот даже не шевельнулся. Отступившись, Даша лишь с трудом защелкнула ремень на его внушительном пузе. Этот счастливец и стервец имеет все шансы проспать собственную смерть.

Но больше всех ее удивил странный мужик с волосами, убранными в хвост. Он оказался единственным, кто вообще не проявлял признаков волнения. Просто сложил руки на коленях и, – она готова поклясться, – равнодушно смотрел в окно. «Как я могла так ошибиться! Он вовсе не боится летать! – не к месту подумала Даша. – Он просто странный!» Впрочем, это уже неважно.

* * *

– Да воскреснет Бог и расточатся врази Его. И да бежат от лица Его ненавидящие Его... – шептал второй пилот Виктор Якушев, – это единственная молитва, которую я знаю, Господи. Она не очень подходит.

– Что ты там бормочешь? – рявкнул Горецкий, не отрывая взгляда от горящих обломков, которые, судя по очертаниям, когда-то были самолетом Ил#76. За пожарищем – катастрофически маленький зазор, в который им придется втиснуться.

Якушев продолжал шептать:

– Ты, Господи, наказываешь меня. Но дай мне шанс выжить и исправиться. Неужели я так грешен, что меня нужно убивать сейчас? Я не безнадёжен, Господи. Я обещаю тебе, что,

если ты дашь нам сейчас сесть живыми и невредимыми, я изменю свою жизнь, Господи, я сделаю ее праведной. Я клянусь тебе.

– Ты заткнешься? – заорал командир, но Якушев в экстазе продолжал:

– Яко исчезает дым, да исчезнут. Яко тает воск от лица огня...

– Три секунды.

– Тако да погибнут от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением и в веселии глаголющих.

Самолет задрожал.

– Две секунды.

– Прогоняй беси силою пропятого на тебя Господа нашего Иисуса Христа, во ад сошедшего и поправшего силу дьяволю.

Шасси коснулись полосы. Кажется, от этого задрожала не только машина, но и сама земля. Дьявольская сила вырывала из сидений, ремни врезались в тела. Самолет на огромной скорости по инерции тащило вперед.

Посадочная полоса, по обоим бокам которой стояли брошенные как попало автобусы, заканчивалась пылающими останками Ил#76. Ее должно хватить для торможения. А если не хватит, то им каюк. Пару раз Якушеву казалось, что он слышит посторонний треск, оттого что они что-то задели. Но самолет «входил» в полосу четко, как входит в игольное ушко нитка, направленная ловкой рукой. Вот только возможности повторить заход у них не будет. Пылающий Ил#76 приближался. Якушев подумал, что они не успеют сбросить ход. Слишком короток тормозной путь. Самолет, конечно, послушен Горецкому, но никто не сможет остановить многотонную машину так быстро...

И в тот момент, когда до Ил#76 оставалось каких-то двести метров, а их скорость по-прежнему была катастрофически высокой, наперерез ринулся выскочивший как из-под земли тягач. Если бы не он, у Горецкого, может, и остался бы шанс успешно затормозить. Тягач лишил их надежды. Зачем он во что бы то ни стало хочет столкнуться с ними?

Их несет вперед. Они уже не могут остановиться. Тягач – может. Но по какой-то причине делать этого не хочет. Уже можно рассмотреть лицо водителя, который, вцепившись в руль, глядит прямо перед собой. Самоубийца? Сумасшедший? Этот камикадзе в клетчатой зеленой рубашке и с рыжими тараканьими усишками явно намеревался увести за собой на тот свет всех пассажиров многострадального Боинга. Зачем ему это нужно? Хочет заставить всех говорить потом о его серой никчемной жизни, о которой никто бы и не вспомнил?

– И со всеми святыми во веки. Аминь. – Только Виктор Якушев успел прохрипеть последние слова молитвы, как небо хрустнуло над их головами. Это, словно огромный арбуз, лопнула кабина. Боинг все же чиркнул крылом по подоспевшему тягачу. Они задели его лишь слегка, но при их скорости и этого оказалось достаточно. Качнувшись от удара, самолет буквально зарылся носом в асфальт и балансировал какое-то время, пытаясь решить, в какую сторону завалиться. В кабине вылетели все стекла. Их оболочек расплавленный воздух от пытающего Ил#76. Или это горели они? Наконец Боинг плюхнулся на брюхо и замер.

– Аминь, – сказал Якушев. Самолет не взорвался.

Глава 2

Рейс Пхукет – Санкт-Петербург прибыл!

Георгий Яковлевич Шер

Стоя у подножия надувного трапа, он с сосредоточенностью вратаря подхватывал эвакуирующихся женщин, бегло осматривая каждую. Как назло, в аптечке только самое очевидное – сердечные, обезболивающие – все-таки он планировал отдыхать, а не работать.

– Что вы встали у самолета, – кричала пассажирам стюардесса, – отойдите от машины как можно дальше! Из бака капает!

Да, его попутчики беспечны и невнимательны. Травм, слава богу и капитану, ни у кого нет. Оба пилота в эйфории, слишком громко разговаривают и чересчур энергично жестикулируют. Пусть аэродром выглядит как поле брани, кругом догорают самолеты. Но каждый втайне ликует с эгоизмом победителя: да, многие умерли, но мне, черт побери, повезло. Я жив! Одна из девушек, оказавшись на земле, начала смеяться. Другая бросилась капитану на шею. Но радость скоро сменится усталостью и апатией.

Горецкий – молодец. Выжал из машины все, спас людей. Если бы не этот неизвестно откуда взявшийся тягач, посадка была бы сносной. Глядя, как съезжающая по трапу красивая блондинка одергивает юбку, боковым зрением он следил за сумасшедшим тягачом. Странно даже не то, что тягач не перевернулся после столкновения. Машина почему-то ездит вокруг самолета, кружит как... стервятник. Или акула. Если бы водитель был мертв – это бы все объяснило. Но он жив, его руки вращают руль. Возможно, в его действиях существует какая-то система? Водитель подает сигнал, желая их о чем-то предупредить? Но какой в этом смысл? Если он хочет что-то сообщить, то почему бы ему просто не остановиться, не подойти? Нет, это, скорее, действия сумасшедшего. Из самолета вышел, точнее – выкатился, последний пассажир, пузан из бизнес-класса. Неловко приземлившись, он стал шарить в карманах. Доктор Шер поспешил к пузану и успел схватить его руку в тот момент, когда тот уже прикуривал. Пузан посмотрел мутными глазами, но сигарету убрал. Он был пьян, но кое-что до него доходило.

– Вы с ума сошли? – закричала на нарушителя подросевшая стюардесса Жанна со стрижкой а-ля Мирей Матье. – Нельзя курить!

Мужчина чертыхнулся и пошел от самолета прочь.

– Куда вы? – окликнула она.

– Туда, где можно курить, – слегка покачиваясь, он зашагал в сторону аэропорта, до которого было метров триста. Пьяному все трын-трава.

Тягач едва не сбил его на очередном круге.

– Смотри, куда едешь! – заорал пузан.

Водитель молча продолжил свой путь. Но мужчина хотел сатисфакции и бросился за машиной, потрясая кулаками.

– Стой, клоун! – Он даже развил вполне приличную для своего веса скорость. – Разорву к чертям!

Так он и бежал за машиной, и, если бы не горящие самолеты, погоня выглядела бы комично – солидный, не слишком уверенно держащийся на ногах мужчина пытается догнать тягач, который плевать на него хотел. Они уже сделали полный круг, и силы пузана стали иссякать, когда тягач стал забирать вправо. Это сыграло с ним злую шутку. Пытаясь переехать через горящее шасси, отлетевшее от их Боинга, машина завалилась на бок.

Из кабины показалась голова водителя. Неторопливо, будто ничего особенного не произошло, он подтянулся на руках и вылез наружу. Рубашка на нем полыхала. Но человек этого будто не замечал.

Толстяк, который еще недавно был полон решимости навалить водителю, затормозил так резко, что чуть не упал, и заорал благим матом. Огня ли он боялся или его напугало что-то другое, но теперь он так же резво бежал прочь. Водитель двинулся следом, шагая неуверенно, но быстро. Он даже не пытался сбить пламя. Стюардесса Даша карабкалась в самолет, вероятно за водой. Но взобраться по аварийному трапу не так-то легко. Рисковая девчонка, успел подумать доктор. Изувеченный самолет может рвануть в любой момент.

Высоко выбрасывая колени, помогая себе руками, толстяк бежал к ним. Он запыхался, на лице его застыл ужас. Пылающий водитель шел за ним молча. На секунду обоих заслонил дым.

– Не сюда! Не к самолету! – Жанна бросилась вперед, семафоря руками.

Горецкий и второй пилот побежали к горящему водителю, срывая на ходу пиджаки. Шер поспешил за ними.

– Стойте! – закричал пузан. – Не подходите к нему!

Но подоспевшие пилоты уже сбивали огонь с несчастного. Водитель мычал, обгоревшее лицо судорожно дергалось.

– Он сошел с ума, – тихо сказал Георгий Яковлевич Шер, – это не по моей части, но его надо вязать.

На асфальте бедолага продолжал барахтаться. Даже втроем они не могли совладать с ним. И это тоже вполне укладывалось в клиническую картину сумасшествия: у буйных сила возрастает многократно. Водитель скреб землю, извивался как змея. Неожиданно его руки дотянулись до тонких лодыжек стюардессы. Жанна пыталась вырваться, но водитель вцепился крепко. Горецкий старательно отрывал пальцы безумца от женских голеней.

– Пусти! – визжала стюардесса.

– Сумку! Сумку сюда! – Шер имел в виду свой несессер с лекарствами. Без укола этого ненормального не успокоишь. Он закатит ему релаксант и обезболивающее, возможно, так удастся перебить шок.

Что за черт? До сих пор не приехало ни одной скорой. Вообще никого, кроме этого тягача. Куда девать пострадавшего? У него серьезные ожоги, тут аптечкой не обойдешься. Почему никто не едет на помощь... Бардак... Горецкий рванул Жанну из рук водителя, та потеряла равновесие и, упав на асфальт, ударилась головой.

Подоспела аптечка. С сомнением осмотрев ее содержимое, Шер решил: димедрол в ампулах. Ничего более забористого у него все равно нет. Укол, всаженный в ягодицу водителя с размаху прямо через штанину, кажется, помог, больной затих.

– Дайте ему воздуху, – приказал Георгий Яковлевич и добавил, обращаясь к стюардессе: – А вы не вставайте пока, вдруг сотрясение.

Лицо водителя, показавшееся из-под пиджака, было ужасно. Обожженная кожа, из трещин сочится сукровица, везде пятна гематом. И мутные, возможно безвозвратно поврежденные огнем глаза. Тут нужна реанимация, а не интенсивная терапия. Вздохнув пару раз со свистом, водитель перевернулся на бок и затих. Действовал укол. Георгий Яковлевич склонился над несессером, думая, чем помочь стюардессе, но несессер укомплектован скудно, ой, скудно. Следующее, что увидел доктор, когда обернулся, останется в его памяти до конца дней. Водитель зубами вцепился Жанне в горло и одним движением вырвал трахею. Кровь оросила ноги всех, кто стоял рядом. Жанна затихла. Больше в медицинской помощи она не нуждалась.

Водитель оторвал, наконец, окровавленный рот от стюардессы и посмотрел на них. Потом встал, легко подхватив тело жертвы. Рубашка на нем продолжала тлеть. Кто-то завизжал.

Георгий Яковлевич не помнил, как бежал вместе со всеми в сторону аэропорта. Все было как в тумане. Потом он услышал за спиной грохот. Взрывной волной его толкнуло вперед, но он удержался на ногах.

– Он попал в лужу топлива, – ахнул Горецкий.

– Так ему, падле, – отозвался совсем уже протрезвевший толстяк.

Дрожащие, изнемогающие от страха, они ввалились в здание аэропорта. Их никто не встречал.

Варя Косых

Сейчас я выйду в зал, убеждала она себя, и выяснится, что все в порядке. Там будет папа с букетом душистых цветов. Мама пустит слезу от радости. Будет папина служебная машина, вымытая по случаю ее прилета. Еще не помешала бы чашка хорошего – не самолетного – кофе с пенкой. Вместо праздника поездка обернулась сплошным кошмаром. Две недели скандалов с Егором вконец истрепали нервы. Варя считала дни до возвращения в Питер. Нет, не заслужила она, чтобы родной город, в суете которого она надеялась растворить свои печали, встретил ее вот так.

Никогда не говори, что знаешь человека, пока не проведешь с ним бок о бок хотя бы десяток дней. Егора за границей как подменили. Молчал с утра до вечера. Или сидел в баре, мрачный, как упырь, или валялся в номере, мучаясь похмельем. На все вопросы отвечал просьбой оставить его в покое. Что она только не делала, чтобы его развеселить! В конце концов он добился своего, она отстала – гордость-то еще есть. Сейчас они разъедутся по домам, и, будьте уверены, ему придется попотеть, чтобы она снова захотела с ним встретиться. Слава богу, она не перевезла к Егору вещи, не придется возвращаться в его квартиру.

Нужно сосредоточиться на приятном. У мамы наверняка ужин готов. Варе скажут – мой руки, а потом она вручит подарки. Покажет фотографии. И забудет про Егора. «Повелеваю, – загадала Варя, входя в зал прилета, – пусть все будет так, как я хочу. По ту сторону двери останутся смерть и разрушения, по эту будет сплошной праздник». Она даже глаза прикрыла, чтобы сделать себе сюрприз.

Чуда не случилось. Жестокое мироздание подсуло взгляду совсем другую картину. Безлюдный зал, в котором нет ни мамы, ни папы. Вообще, черт подери, ни одного человека! Да и какого чуда можно ждать, если на полосе горят самолеты. Ясно, что дело плохо.

Впервые в жизни она видела помещение не просто пустое, а внезапно всеми покинутое. Всюду оставленные вещи. Под ногами раскрытая дамская сумочка; содержимое, в основном косметика, разбросано вокруг. Шикарная сумочка.

Мальчишка схватил с полу куклу с раздробленной ногой, стал ее изучать.

– Брось! Не видишь, по ней ходили! – Мать выхватила игрушку.

– Мама, а где все?

– Понятия не имею!

Движущиеся рекламные картинки продолжают сменять друг друга. Женщина с плаката очень похожа на маму. Странно, что раньше она этого не замечала, хотя этой рекламой усеян весь город. «Вакцина „Х“ – первый шаг на пути к здоровью!» Взгляд у модели лукавый, кажется, она обращается к ней одной. И брови хмурит совсем как мама. Ох, мама, мамочка...

Мальчишке понравилось мародерствовать, он уже раздобыл где-то шоколадку.

– Ты прекратишь или нет! – Мать схватила его за руку, встряхнула.

– Она ничья! Лежала на полу!

– Дай сюда, – женщина зачем-то стала протирать ему лицо и руки.

От прикосновений влажной салфетки он завопил еще сильнее.

– Ты можешь не кричать? – строго спросила пожилая дама. – Большой уже мальчик.

Я не слышу, что говорит капитан.

– Я не знаю, что случилось! Я не знаю, почему нет пожарных и милиции, – кричал Горецкий обступившим его пассажирам. – Может быть, если бы вы отпустили меня в Центр управления, я бы что-нибудь узнал. Но вы же мне пройти не дадите!

Лицо у капитана было злое и совершенно осунувшееся.

– Якушев, останься с людьми, – приказал Горецкий, – а кто-нибудь из мужчин, пожалуйста, пойдёмте со мной.

– Я! Я пойду! – сразу же вызвался Егор. Лишь бы улизнуть от нее. Ничего, скоро она оставит его в покое. И на этот раз навсегда.

Она лично хочет курить. Так сильно, что уже не успевает проглатывать слюну. Но, после того что случилось с самолетом, курить как-то неловко. На летном поле лежат погибшие люди, а она думает лишь о том, как разжиться сигареткой. Но можно попробовать покурить быстро, не привлекая внимания.

Невыносимо, сигареты – вот они, буквально под носом. На столике в кофейне, в лужице, натекшей из опрокинутой чашки, лежит пачка. А почему бы и нет? Все взгляды устремлены на экраны телефонов. Стас, Вика и Аида пытаются дозвониться хоть куда-нибудь. Родители хлопчут над несносным чадом. Она сделала еще пару шагов в сторону и, наконец, достала две сигареты. Присваивать всю пачку неловко, это уже похоже на кражу. Зажигалка, слава богу, тоже лежит внутри. Осталось только подобраться к двери. Она выскользнула на улицу и закурила, торопливо, с неуместным, но таким искренним удовольствием.

Вторая сигаретка определенно не будет лишней. Безлюдье, такое мучительное в аэропорту, ощущалось и снаружи. Люди исчезли, испарились, улетели. Ее должны были бы осаждать таксисты, но кругом никого. Автобусы, маршрутки, наглые частники, где они? Где хоть один пассажир с сумкой на колесах или через плечо? Где бегущие, спешащие, важно шествующие с багажом люди?

Посреди пандуса валялась, уставившись в небо всеми колесами, детская коляска.

Нарушен заведенный от века порядок – родители не приехали встречать ее в аэропорт. Не будет кофе с пенкой и цветов. Это даже не страшно. Это... это... Варя села на скамейку на остановке и, наконец, расплакалась. Хоть бы никто не увидел, что она распустила нюни. Ничего, ничего. Сейчас она всплакнет, и будет полегче.

Валентин Бочаров

Нельзя паниковать. В непонятных ситуациях можно попробовать изложить свои сомнения в письменной форме, и лучше «Твиттера» для этого ничего еще не изобрели. Психотерапевт требует, чтобы он не держал чувства в себе, находил им любое законное выражение. Можно выплескивать эмоции в социальные сети, не докучая своими откровениями окружающим. Антидепрессанты тоже, конечно, помогают, но не нужно надеяться только на них.

Он уже составил пост, который выпустит в мир. Фото его попутчиков и заголовок: «Наша многострадальная команда в аэропорту в ожидании спасательных служб. Мой сынишка держится молодцом». «Мог ли я представить, что случится, когда садился с семьей в самолет? – написал он. – Все выглядели такими счастливыми. Ничто не предвещало беды. Знали бы мы тогда, что посадка будет настолько ужасной и унесет невинные

человеческие жизни». Он сделал фото пассажиров на фоне плаката «Вакцина „X“ – первый шаг на пути к здоровью!». Реклама стильная, так что получилось неплохо. Вообще, в эту рекламную кампанию вбухали запредельное количество денег, хотя вакцина X – конечно, полная профанация. Их всех в офисе принудили сделать прививку, четверо все равно заболели гриппом. Он лично отказался прививаться. Не ему, маркетологу, позволять пудрить себе мозги. Но «Твиттер» упорно отказывался загружать фото, не пуская его дальше заглавной страницы. То же происходило и с другими социальными сетями. Валентин продолжал тыкать пальцами в телефон, будто от этого мог появиться Интернет.

– Вы тоже не можете никуда дозвониться? – спросил он у соседок по самолету, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Но голос, кажется, дрогнул. Никто не ответил на его звонки, а ведь он вызвал уже десяток номеров.

Женщины покачали головами.

– А вообще, хоть кто-нибудь куда-нибудь дозвонился? – Валентин оглядел попутчиков по очереди. – Где полиция? Спасатели? Репортеры? Хоть кто-нибудь, в конце концов?

Подступала паническая атака, и, чтобы предупредить ее, Валентин съел таблетку и сделал выдох, считая до десяти. Без таблеток он пока не может, что бы там ни говорила Каролина, у которой из всех стрессов – подгоревшее жаркое и Севин насморк.

Опять кольнуло в животе.

– Нет! – шепнул он, тайком прижимая ладонь к пузу. – Только не сейчас.

– Что с тобой, милый? – участливо спросила Каролина.

– Ничего, дорогая, – кажется, он ответил слишком поспешно. Ему показалось или жена посмотрела странно? Только бы ничего не заподозрила.

Игорь Самохвалов

Водитель все не шел из головы. Врач сказал, мужик вел себя странно, потому что у него крыша потекла. Но он готов поклясться, там было что-то другое – не сумасшествие. Ему показалось, точнее, он уверен, что водитель собирался... Хотя нет, это бред. Мало ли что с пьяных глаз привидится. Или не бред? В конце концов, водитель мертв. Пусть медэксперты разбираются, что с ним случилось. Если найдут, конечно, останки, которые раскидало взрывом. А ему нужно домой, пока не приехали менты со своими расспросами. Вообще, вся эта шняга в аэропорту дико напрягает.

Игорь Самохвалов направился к выходу. Автомобиль на стоянке, заправленный. Ему тоже не помешает заправиться чем-нибудь покрепче самолетной бурды. Трусом он никогда не был, но этот водитель выбил его из седла. А ведь в девяностые смерть подходила к нему и поближе. Надо валить. Что они сгрудились в углу, как бараны? Без капитана шаг бояться сделать. Такие и идут... на корм. Ему вот стадный инстинкт чужд. Нужно не выполнять чужие приказы, а брать ситуацию за яйца. Наверное, благодаря этому принципу он и стал одним из самых богатых людей в городе.

На улице курила длинноногая девочка. Шутки ради он спросил ее:

– Тебя подвезти, куколка?

Девчонка всполошилась, подавилась дымом.

– Так подвезти? – Чтобы смутить ее, он в упор посмотрел на загорелые груди в вырезе изумрудного платья. – У меня машина на стоянке. Дорогая.

– Спасибо, я сама доберусь, – ответила девушка, стараясь, чтобы голос звучал надменно.

– Как хочешь, – он пошел прочь. Вот дурында.

Решив, пусть сами разбираются, сумасшедший был мужик или нет, Игорь Самохвалов зашагал к парковке.

Сева Бочаров

Он всегда любил сказку «Про мальчика, который остался один на всем белом свете». Никто не мог понять, почему она ему так нравится. Ну вышел как-то утром из дому мальчик и увидел, что никого, кроме него, во всем городе нет. Но Сева жутко завидовал главному герою и мечтал оказаться на его месте. Этот мальчик виделся ему счастливейшим из мертвых. Расстроился ли герой сказки, узнав, что все исчезли? Да нисколечко. Первым делом он зашел в игрушечный магазин и взял с полок все, что ему хотелось. Все игрушки теперь были его. Дальше больше. Набрал себе столько машинок, сколько ему раньше и не снилось, он отправился в кондитерский магазин и впервые в жизни наелся сладостей до отвала. Потом, прихватив мешок конфет, катался на всех аттракционах в парке. Весь город, до отказа наполненный вкусностями и играми, был к его услугам.

Если бы Севу спросили, на что похож сейчас аэропорт, он бы сказал – это картинка к моей сказке. Но на поверку сказка оказалась не такой уж веселой. Глупый мальчик из книжки, обрадовавшись изобилию, не обратил поначалу внимания на грустные стороны одиночества. А они в его городе тоже, наверное, были повсюду. Незакрытый ящик с шоколадом и конфетами – это не только здорово, но и... страшно. Подносы с бургерами, которые никто не забрал, – это тоже страшно. И пищащая дверь распахнутого холодильника с газировкой. И поломанные игрушки.

Только людей нет. Мальчик из сказки не задумался о главном – куда, собственно, все делись? А он задумался. Не нравится ему такая сказка, совсем не нравится. Не хочется уже шоколадок. Хочется увидеть хоть кого-нибудь, кроме попутчиков. Глупенькому мальчику из сказки потребовалось довольно много времени, чтобы осознать – то, что происходит с ним, ужасно. Но, когда он осознал, что остался совершенно один, он, наконец, заплакал горячими слезами. Теперь Сева переосмыслил эту историю. Без людей не так уж и здорово, хоть завали его конфетами.

Когда сидеть надоело, Сева решил размяться.

– Никуда не отходи! – рявкнула мама. – Накажу!

– Сначала догони! – С эскалатора, ведущего наверх, было видно, как мама разоряется.

Он бежал по балюстраде и радовался скорости, звуку своих шагов, тому, как развеваются волосы и ветер щекочет в раскрытом рту. Промчался мимо зала ожидания, мимо газетного ларька, кофейни. Здесь-то и ждал его сюрприз. Пока все ахают «куда подевались люди?», он нашел сразу двоих. Всего-то нужно было – добежать до конца коридора и посмотреть там.

– А тут кто-то есть! – радостно закричал он маме. – Двое! Не веришь, иди посмотри! – И приветствовал незнакомцев: – Э-ге-гей!

Сергей Горецкий

Он чувствовал не страх, не отчаяние – апатию. Желание спрятаться и предоставить кому-нибудь другому думать и действовать. Что сказать испуганным людям? «Извините, я тоже не понимаю, что происходит?» Но это правда.

– Вы его знаете? – спросил Егор.

– Это диспетчер. Маркин.

Мужчина в синей униформе сидел в крутящемся кресле, бессильно свесив руки. Запрокинув голову, он демонстрировал рану на горле, из которой на пол налилась целая лужа. Если не считать трупа Маркина, помещение Центра было пусто. За стеклянными перегородками никого, хотя на спинках кресел висят пиджаки, на одном даже галстук.

Горецкий стал похлопывать себя по карманам:

– Где же она? – Достав крошечную бутылочку, он осушил ее одним глотком.

– Что вы делаете? – Егор аж рот раскрыл.

– Опохмеляюсь.

– В Центре управления труп, а вы пьете?

– Ему уже плевать, – капитан сел в кресло и прикрыл глаза.

– Вы умерли там?

– Наоборот, оживаю.

– Нужно, наверное, что-то делать. Куда-то звонить.

– Мы всюду уже позвонили. Везде тишина.

Егор рассматривал мертвого мужчину:

– В аэропорту никого. Все спасательные службы молчат. Что случилось-то?

– Какая-то беда.

– Шутите?

– Нисколько. Он, – Горецкий показал на труп, – наверное, знал, что случилось.

Но почему-то убил себя.

– Разве можно самому себе перерезать горло? Нет, это убийство.

– Но помещение было закрыто изнутри. Изнутри! Мы ломали дверь. По-твоему, труп встал и запер за убийцей?

– Но зачем диспетчеру было себя убивать?

Горецкий поднял с пола лист бумаги:

– Чертовщина какая-то. «Я, Маркин Владислав Андреевич, 1967 года рождения, диспетчер. Сегодня 1 августа 20... года. На меня...» И все. Дальше только какие-то закорючки.

– Что – «на меня?» – Егор взял листок.

– «На меня – напали», наверное.

– Но перед этим дали возможность написать предсмертную записку?

– Что ты до меня докопался? Откуда я знаю! Мужик на тягаче с такими ранами тоже не должен был шевелиться. Тебе он не показался странным?

– Мне все кажется странным. Что вообще происходит? Где люди? Это массовое похищение? Пустили газ? Применили гипноз?

Горецкий ткнул пальцем в монитор видеонаблюдения:

– Давай наших закроем пока где-нибудь от греха подальше. Не нравится мне все это.

– Сходить за ними?

– Зачем? Позовем по громкой связи.

Но Егор ткнул пальцем в другой монитор.

– А это кто? – В самом конце балюстрады, возле кофейни, стояли сразу двое.

– Ого, – Горецкий привстал, – да это наши. Это Иван, диспетчер. Что он делает?

Стоя к камере спиной, Иван колотил по кофейному автомату, требуя вернуть сдачу. Вы замечали, что все люди, обиженные техникой, выглядят одинаково? Они суетливы, раздражены и смешны. Они не понимают, что ничего не могут исправить, но с досадой продолжают колошматить по обидевшему их автомату. Иван засовывал руку в отделение для мелочи и, не найдя там искомого, снова стучал по панели. Но даже столь горячего усердия было мало, чтобы одолеть машину. Рядом, в съехавшей набок пилотке, дремала одна из досмотрщиц.

То, что произошло потом, от пятидесяти граммов привидеться не могло. Казалось, они смотрят черно-белое кино с Чарли Чаплином, но комедия в одно мгновение обернулась трагедией.

На балюстраде появились люди.

– Наши к ним идут, – комментировал Егор, – впереди мальчишка, за ним остальные. Видите?

Отодвинув в сторону мальчика, Якушев похлопал Ивана по плечу. Дернувшись, диспетчер обернулся. И сразу же, распахнув объятия, бросился Якушеву на грудь.

– Ваш Иван что, поцеловал пилота? Тьфу!

Но объятия вдруг переросли в борьбу. Мужчины повалились на пол, причем Иван оказался сверху.

– Да что там у них происходит? – Голос Горецкого сорвался.

На экране действительно творилось нечто несусветное. Девушка в пилотке, наконец, проснулась и тоже бросилась на Якушева. Теперь они уже катались по полу втроем.

– Стас, разними ты их! – кричал Егор своему другу, забыв, что их разделяют сотни метров.

Но Стас, будто услышав товарища, действительно стал оттаскивать Ивана от Якушева.

– Да что вы все стоите! – ругался Егор. – Помогите ему! Слава богу, еще один догадался вмешаться.

На мониторе шевелилась безмолвная, но оттого еще более ужасающая куча-мала. Кажется, Якушева уже должно было раздавить под тяжестью тел, но через какое-то время клубок понемногу стал распадаться. Ивану и девушке заломили руки.

– Что-то не то. – Егор показал на экран. – Такой тощий, мелкий, а они его еле держат.

Иван рвался из рук, и в увертках его было что-то от рептилии, тягучее и одновременно молниеносное. Так игуана лениво поведет лапкой, а потом неожиданно бросится вперед. Якушев, бедняга, стоя на четвереньках, мотал головой. Даша настойчиво совала ему что-то белое. Наверное, платок. Но пилот девушку отталкивал.

Увлеченные происходящим, Горецкий и Егор не сразу поняли, что кто-то стоит у них за спиной.

Евгений Дороган

Пленники шипели, пытались вырваться. Отвратительное, но вместе с тем притягательное зрелище. Так может заморозить мерзкое экзотическое животное. Чудовище по имени Иван, на котором повисли сразу двое мужчин, не просто укусило второго пилота – ему удалось вырвать из его шеи толику мяса. И похоже, никто не заметил, что диспетчер не только откусил мясо, но и съел его! Дороган видел это совершенно отчетливо. Чавкающий звук, пара движений челюстями, и в завершение – отвратительное глотательное движение. Но об этом Евгений Дороган решил пока умолчать, достаточно с попутчиков и вида крови.

Товарищи по несчастью все как один слабые, изнеженные, уязвимые. Он бы на них не поставил. Едят наверняка всякую дрянь, курят, пьют, а потом хватаются за таблетки. Ладно пенсионеры, им сам бог велел кряхтеть. Но у папаши мальчика, молодого мужика, – избыточный вес и давление, у мамыши явно анемия. Парень Егор, что ушел с капитаном, вообще болен чем-то серьезным, судя по оттенку кожи. Командир – запойный пьяница, пусть не отпирается. Молодежь пробежала сто метров – и запыхалась. А ведь, в отличие от него, эти люди планируют жить долго. Как у них это, интересно, получится, если они так халатно относятся к самому ценному дару – здоровью! Самонадеянные, беспечные глупцы.

Якушев, второй пилот, – махровый невротик, у него и так все время подергивалось лицо, а теперь вообще шок. Начал заикаться, перестал соображать. И ему доверяют человеческие жизни?

Но вот какой хворью одержимы Иван и его спутница, Евгений Дороган не мог определить. Перепачканные кровью лица были не просто страшны, – они вовсе не были лицами людей. Перед ним бесновались существа абсолютно, безусловно безумные, потерявшие спо-

способность говорить и двигаться по-человечески. И эти глаза, – мутные, какие-то вареные, другого слова не подобрать. Зрачки едва угадываются среди белков в красных прожилках. Лица в кровоподтеках. Такое ощущение, что под кожей лопнули сразу все сосуды. Чудеса да и только.

– Что с ними делать? – пыхтел стюард Роман. – Она сильная, зараза.

– Давайте их свяжем, – предложил Дороган.

– А чем?

– Возьмите мой шарфик, – предложила одна из девушек, а стюардесса Даша, покраснев, стала стягивать с себя колготки.

Теперь пленные корчились на полу, как гигантские бесноватые черви. Пытались ползти, скалили зубы.

Взволнованный баритон капитана, неожиданно раздавшийся откуда-то с неба, заставил всех подпрыгнуть:

– Говорит Горецкий. Я вижу вас на мониторе. Немедленно, вы слышите, немедленно свяжите и Якушева тоже. Он опасен! Он опасен! Приказываю – связать, обезвредить Якушева!

Второй пилот хныкал на полу.

– Твою мать! – хрипел он, вращая глазами, в которых теперь было больше злости, чем растерянности. – Он думает, что говорит?

– Успокойся, Витя, – принялся увещевать его стюард, – он что-то не так понял. Не разгледел.

– Не так понял? – заорал Якушев, заикаясь теперь совершенно явственно. – А я скажу тебе, почему он не так понял! У него «белочка». Поздравляю! Я говорил, что он допрыгается. Получите.

Всем было неловко. Сейчас они, возможно, стали свидетелями того, как сходит с ума смелый и отважный человек, и громкоговоритель разносит его слова повсюду. Неужели Горецкий действительно «поплыл»? Если честно, это может быть правдой. Невероятный стресс. Недосып. Физическая усталость. Этого достаточно, чтобы сломать человека, злоупотребляющего алкоголем.

Горецкий будто слышал упреки второго пилота.

– Я понимаю, что все это выглядит странно и дико, – снова заговорил он. – Но верьте мне, я не сошел с ума. Заприте или свяжите Якушева. Сами спрячьтесь в каком-нибудь подсобном помещении. На открытом месте вы в опасности!

Понизив голос, Горецкий обратился к стюарду:

– Рома, доверься мне. Вяжите его. Уведи куда-нибудь людей и закрой их! В аэропорту полный... (тут прозвучало слово, которое пилот никогда не позволил бы себе произнести по громкой связи). – Ты меня слышишь? Махни, если понял!

Стюард растерянно махнул рукой.

– Ты сошел с ума? – взвизгнул второй пилот. – Ты веришь этому алкашу?

Рома молча смотрел на Якушева.

– Вы не посмеете, – Якушев крутил головой по сторонам, ища сочувствия. – Вы понимаете, что капитан – ненормальный? Я – пострадавший. А он говорит – связать. Это месть! Вы что, не понимаете, что Горецкий хочет со мной поквитаться?

Голос Горецкого наполнился металлом:

– Как старший по званию, я приказываю тебе, Рома. Выполняй приказ. Оставив Якушева на свободе, вы подвергаете себя опасности.

– Рома! Рома! Ты кого слушаешь? – Якушев уже плакал. – Он сбрендил. Он не может отдавать приказы.

Рома смотрел в упор, и взгляд у него был странный. Нехороший взгляд.

– Да пойми ты, – Якушев взял стюарда за лацканы пиджака, но тот скинул его руки, – у него крыша съехала!

И бросился на стюарда. Рома увернулся, и Якушев впечатался в стену. Когда пилот обернулся, все увидели, что человек исчез. На них смотрело существо с блеклыми глазами. В лице ни кровинки, рот открыт в зверином оскале. Существо снова протянуло руки к Роме, собираясь вцепиться ему в глотку, но стюард сам схватил противника за горло. И, разбежавшись, что есть силы шваркнул Якушева головой об стену. Тот захрипел, но сознания не потерял. С перекошенным от натуги лицом Рома постарался ударить Якушева еще раз, но это оказалось не так просто. Пилот сгруппировался и вцепился пальцами в лицо стюарда, пытаясь приблизить к нему оскаленный рот.

Евгений Дороган первым бросился на помощь. Он оторвал руки пилота от Ромино лица и повалил Якушева на пол. Рома, сидя на противнике верхом, все бил его головой об пол, пока они не услышали тошнотворный хруст, и Якушев, наконец, не обмяк.

– Вот видишь, Рома, – сказал Горецкий, – я не сошел с ума.

Взвизгнула одна из девушек. Евгений Дороган решил было, что ее потрясло убийство Якушева, но она показывала на окно. К аэропорту приближалась странная процессия – человек десять, сбившихся в кучу, как стадо. Их заметно покачивало, но даже с такого расстояния было ясно – они не пьяны. Тут что-то другое. То же, что произошло с теми, кого они только что убили.

Варя Косых

Слезы постепенно иссякли, стало полегче. Пузан с носом-крючком – невоспитанный, противный, самодовольный тип. Теперь, когда он ушел, ей, разумеется, пришли в голову слова, которыми можно было поставить наглеца на место. Снова хочется курить. Нервы измочалены, руки дрожат. Это безмолвие и безлюдный аэропорт сведут ее с ума. Но при этом Варю не оставляло ощущение, что кто-то все время наблюдает за ней. Пару раз она даже огляделась. Никого.

Вторая сигарета оказалась вкуснее первой. Она смотрела по сторонам, стараясь вместе с дымом впустить в себя мысли о том, что сейчас, сию минуту, все каким-то образом наладится. Вот как все будет. У нее зазвонит телефон, и мама взволнованным голосом скажет, что они с папой ищут ее в аэропорту и не могут найти. Запыхавшиеся родители выбегут ей навстречу, обнимут и скажут: поехали домой. Вместе с ними подоспеют и другие люди, и в аэропорту начнется веселая кутерьма. А то, что здесь никого не было так долго, – так это досадное недоразумение уже, слава богу, улажено. Аэропорт снова заработает в обычном режиме. Диктор по громкой связи объявит, что рейс такой-то вылетает по расписанию, и попросит пройти на регистрацию. Приедут автомобили, привезут оживленных пассажиров. Те поспешат внутрь.

Мертвых, конечно, не воскресить, но их похоронят с почестями. Пройдет время, и она вспомнит об этом с печалью, но уже не с ужасом. Зато будет что рассказать детям. Мечты получились такие яркие, реальные.

Их прервало объявление по громкой связи, но слов было не разобрать. Подхватившись, она затушила сигарету и поспешила ко входу. Наверное, там объясняют, что случилось. Вечно она всюду опаздывает, все пропускает. Варя вспомнила про пузана. Может, следует его окликнуть? Но он уже далеко. Плевать на пузана, хочет – пусть проваливает на своей дорогой машине. Варя уже была у двери.

Маму она не увидела, а почувствовала. Такое бывает. Еще не посмотрев назад, она поняла – на нее смотрит мама. Варя была уверена, что, обернувшись, увидит ее. И увидела. Со стороны парковки к ней шла группа людей, человек десять. Мама – впереди.

– Мама! – крикнула она, и мама пошла к ней, вытянув вперед руки.

Кто-то наверху услышал ее призывы. Варя неслась, вытирая на ходу заплаканные глаза. Все ближе мамина аккуратная, всегда сбрызнутая лаком прическа и блузка в крупный горох. Блузка дорогая, но давно вышла из моды. «Никогда не прощу себе, что сказала маме выбросить ее». С разбегу уткнувшись в родное плечо, она ощутила запах маминых духов, которые тоже когда-то (неужели такое могло быть?) ругала. Нет лучше запаха на свете. Последнее, что сделала Варя в своей жизни, – обняла маму крепко-крепко.

Вика Ковалева

– Посмотри на меня. Ты не виновата!

– Виновата! Я знала, что Варя пошла курить. И никому не сказала. Я просто забыла о ней!

– Мы все голову потеряли. Надо уходить, – Стас пытался оторвать Викины руки от перил балюстрады.

– Она бы меня не бросила! А я просто ушла! Что я скажу Егору? Родителям ее что скажу?

Она, действительно, вспомнила, что подруга ушла на улицу, лишь когда Горецкий приказал им укрыться где-нибудь. Только тогда она бросилась к окну. И увидела картину, которая всю жизнь будет стоять у нее перед глазами.

Сначала ей показалось, что Вари нигде нет, но потом она увидела ее – та возвращалась в аэропорт. Вика уже вздохнула было с облегчением, как вдруг Варя развернулась и побежала в обратную сторону. Но зачем? Вот оно что. Варя увидела людей и направляется к ним. Странные люди. Они бредут, спотыкаясь и вытянув руки вперед, ничего не видя перед собой. С ними что-то неладно. Почему Варя этого не заметила? Подруга летела к ним навстречу яркой птичкой в своем изумрудном платье. Варя бежит на каблуках довольно смешно, как жеребенок, высоко выбрасывая колени.

Она добежала до женщины, идущей впереди, и бросилась ей на грудь. Какое-то время женщина стояла безучастно, опустив руки вдоль туловища, но потом тоже обняла Варю – сначала неуверенно, потом все крепче и крепче. Провела по ее лицу ладонями. И, схватив за волосы, впилась зубами в шею. На платье сразу же брызнула кровь. Подоспели остальные, стали хватать Варю за волосы, за платье, и какое-то время ее не было видно, лишь порой относил ветром в сторону изумрудный лоскут. По асфальту запрыгали крупные синие бусины. «Варя!» – кричала Вика, не понимая, что подруга ее не слышит.

Женщина сдернула с девушки остатки платья. Варя осталась в черном бюстгальтере. Добравшись, наконец, до тела жертвы, они стали рвать его зубами. Кровь из разорванной артерии выплескивалась пульсирующими струйками. Люди обезумели. Ноги нетерпеливо топтали зеленые лохмотья, а пальцы хватали, тянули, пытались разорвать плоть.

Варя уже лежала на земле, а люди неистовствовали. В рану на животе, которую они прогрызли за какие-то секунды, погрузились несколько пар рук, на асфальт вывалился красный ком, добравшись до которого палачи и вовсе помешались. Вырывая его друг у друга, они впивались во внутренности зубами, заталкивали себе в рот целые куски. Потом из Вари был извлечен ком поменьше и что-то похожее на огромную колбасу, за добычу развернулась настоящая схватка. Лишь тогда Вика, наконец, упала в обморок.

Егор Малеев

Когда он обернулся и увидел стоящего за спиной диспетчера, то подумал сначала, что у него галлюцинация. «Вот ты и допрыгался, дружок», – мрачно сказал себе Егор. Вла-

дислав Андреевич Маркин вытянул руки, ощерился и пошел на них, покачивая туда-сюда головой на перерезанной шее. Не успел Егор опомниться, как Горецкий выхватил пистолет и выстрелил Маркину в голову. Слава богу, капитан тоже это видел. Это не галлюцинация.

Егор думал, к чертям разлетится половина черепа, забрызгав все кругом кровью и осколками костей, но во лбу диспетчера появилась лишь маленькая круглая дырочка, из которой ничего не вытекло. Маркин упал на спину. Руки какое-то время цеплялись за воздух, наконец и они успокоились. Егор вытер лицо, которое за секунду стало совершенно мокрым:

– Как тихо он подкрался.

– Да ты совсем раскис, – коротко бросил Горецкий, – соберись. В обморок не упади.

Молясь, чтобы не стошнило, Егор побрел за капитаном. Но когда увидел в окно, что осталось от Вари, не выдержал, и его вырвало на пол. Попутчики смотрели на него с жалостью. Еще бы, у парня погибла девушка. Да что они понимают. Если честно, ему совсем не хотелось идти с Горецким. Он так устал, что любое движение было в тягость. Болят уже все до единого суставы. Когда же он доберется до дому? Поездка в Таиланд была явной ошибкой. Ему казалось, если он пожарит кости на золотистом песке, станет полегче. Но песок, конечно же, облегчения не принес, как и соленая вода, и перегретый воздух. Нужно было думать.

В диспетчерскую он пошел только для того, чтобы хоть немного побыть без Вари. Эти влажные оленьи глаза, которые следили за ним повсюду, в конце концов стали сводить его с ума. «Отвернись, посмотри в другую сторону, прошу тебя!» – хотелось иногда закричать. Но она продолжала глядеть на него с нежностью, чтоб ее. Варя хотела знать, что с ним. Чтобы помочь. Спасти его своей любовью. Ей казалось, что любовь – панацея от всех напастей. А он лишь посылал ее в ответ ко всем чертям. И трусливо думал: «Завтра все ей расскажу, завтра». Потом вообще решил, что не будет портить бедной девочке отпуск и скажет все дома. Что изменят еще несколько дней? Жалкий трус, он ненавистен сам себе.

Но если бы вы знали, как тошно от ее любви. От того, что он не может ей втолковать, что она зря теряет время. Он дерзил ей, а сам все думал – ну взорвись же ты, Варя, выйди наконец из себя. Скажи, что я козел. Уйди сама и не мучай меня больше. Потому что я так больше не могу. Но она, добрая душа, все терпела. Плакала в подушку, а стоило ему на нее посмотреть, жалко улыбалась. И вот она умерла. Что он чувствует? Так просто не объяснишь. Будто ты случайно ранил милую невинную зверюшку, и тебе придется ее добить, чтоб не мучилась. Как называется это чувство?

Ему повезло – Варю «добила» не его рука. Все наверняка полагают, что он мучается от того, что мог бы спасти свою подругу, если бы остался с ней. Он никому не скажет, – но Варю было уже не спасти. И убил ее он. Еще два месяца назад. Теперь – концы в воду. Только что-то нет радости от того, что все решилось.

Чета Огневых

– Да здесь одного печенья на год хватит! Автомат с кофе! Что еще нужно!

– Лидия, спасатели вряд ли придут.

– Обязательно куда-то лететь? – Лидия Вячеславовна одной рукой вцепилась в мужнин рукав, другой утирала слезы. – Зачем в другой город? Когда-нибудь же нас спасут!

– Горецкий правильно говорит – нас не спасают, потому что, наверное, уже некому. В аэропорту была какая-то эпидемия.

– Но в городе, может, все совсем не так! – В подсобке кафе не было стульев, и она прислонилась к холодильнику с напитками – вполне удобно.

– Давай посмотрим правде в глаза. Хоть кто-нибудь в городе снял трубку? Приехала хоть одна скорая? Еда закончится. Все равно придется выйти. Надо проситься в другие города. Может, в Москве, в Новгороде все в порядке. В Якутске, в конце концов!

– Страшно... Старая я уже летать туда-сюда. Говорила я тебе – не надо в Таиланд, – она высморкалась, – но тебя разве переспоришь...

– Будто если бы мы поехали в другое место... – Семен Семенович тайком от жены отправил в рот таблетку.

– Тебе бы все летать. Сидели бы на даче и горя не знали, – Лидия Вячеславовна тихо накрыла рукой ладонь мужа. Та слегка подрагивала.

Аида и Стас Тюленины

– Хоть кто-нибудь со мной согласен? – поинтересовалась Лидия Вячеславовна.

– Я! – подняла руку заплаканная Вика и толкнула своего парня: – Стас, давай никуда не полетим. Пересидим.

Но Стас вздохнул:

– Вика, у тебя шок. Тут опасно. Надо лететь.

– Но я не хочу, чтобы нас как Варю!

– Ведешь себя как моя морская свинка, – буркнула сестра Стаса, Аида, – та тоже всего боится и не вылезет из клетки, пока не закончится корм. Потому что мозгов мало. Не хочешь лететь – торчи тут, а мы будем спасаться.

– Не надо так, – начал Стас.

Но Вика даже встала, чтобы произнести ответную речь:

– А ты, Аида, ведешь себя как стерва. Бесишься, что у брата есть девушка. Раз у тебя никого, пусть и он ходит один? А может быть, мы сами разберемся, лететь нам или нет?

– Во-первых, Стас сам решит, лететь ему или остаться. Во-вторых, мы с ним решили, что хотим разыскать родителей. Тебе на своих, может быть, наплевать. Нам на своих – нет. Лети, спасай шкуру. Счастливого пути.

– Ты думаешь, что сможешь кого-нибудь спасти? – прищурилась Вика. – Да ты не дотопаешь до города на своих коротких ножках.

Аида, вспыхнув, тоже вскочила.

– Угомонитесь обе! – рявкнул Стас. – Егора бы постеснялись.

– Она просто выпендривается перед тобой, – Аида демонстративно отвернулась.

– А ты ревнуешь и пытаешься контролировать брата.

Александра Калашикова и Вера Марченко

Казалось бы, что у них общего, а между тем они – лучшие подруги. Александра писаная красавица и модница. Она, Вера, если честно, даже и без шрама во всю щеку выглядела бы не как кинозвезда. У Александры сеть салонов красоты, Вера вечно считает копейки, потому что, сколько внеурочных ни взял бы руководитель детского хора, сыт он все равно не будет. Александра ворочает серьезными делами. А она, чего греха таить, вечно витает в облаках. Но они не могут друг без друга, и дорожки их после школы так и не разошлись.

Со временем у них все же появилось кое-что общее. К своим почти сорока годам обе они бездетны. Это, как оказалось, скрепляет дружбу посильнее всяких там общих интересов. Люди с детьми, как выяснилось, живут на другой планете, где Вере и Александре трудно освоиться и где им вечно не хватает воздуха. Но если Александра несет крест бесплодия с достоинством, ее, Веру, легко выбить из колеи вопросом «почему у тебя нет детей?». Люди жестоки и могут в лоб поинтересоваться, почему Вера Марченко так много занимается

чужими ребятами и не заведет своих. Они спокойно ковыряют пальцем корочку на ее ране, которая то подживет, то снова начинает саднить. И только подруга все понимает.

Есть еще один недостаток бездетности – ты не можешь давать советы или выражать истинные чувства по отношению к чужим детям. Тебе немедленно посоветуют: «своих нарожай, а потом учи». Поэтому сказать мальчику Севе, что он зарывается, или попросить его мать приструнить мальчика, она не может. Мать раздует скандал. Но уже нет никаких сил терпеть Севино нытье.

– Мама, пить, – громко шептал мальчишка, печатая слова в такт шагам.

Голос его далеко разносился под сводами аэропорта.

– Сыночка, попозже попьешь, – тихо отвечала мать.

– Нет, сейчас! Сейчас!

Эта женщина со злым ртом-прорезью и противным именем Каролина совсем распустила мальчишку. Сначала орет на ребенка благим матом, потом – зацеловывает до полусмерти, устыдившись своей резкости. Что этот мальчик должен понимать из ее поведения? Что у нее настроение меняется каждые пять минут? И то, что было «хорошо», вдруг резко может стать «плохо»? А папаша – тот еще валенок. Чадо ни в грош не ставит родителей.

Они уже благополучно миновали балюстраду и ступили на эскалатор, ведущий в зону вылета.

– Тише там, – шикнул Горецкий, который шел впереди. – Мы сейчас как на ладони. Здесь спрятаться негде, угомонитесь.

– Мальчик, успокойся, потом попьешь, – прошептала Александра, которая, как всегда, читала Верины мысли.

– Его зовут Сева! – вспыхнула мать и, ткнув дрожащим пальцем в Александру, добавила: – Я сама разберусь со своим сыном.

– Так разберитесь, – поддержала Вера подругу.

Расценив материню заступничество как зеленый свет, Сева принялся канючить еще громче:

– Пить! Пи-ить! Я хочу пить!

Горецкий резко остановился. Прикрыл глаза рукой и, вытянув другую вверх, щелкнул пальцами. Отняв руку от лица и убедившись, что владеет вниманием публики, капитан заговорил тихо, но яростно:

– Слушайте меня внимательно. Здесь опасно. Мы пытаемся спастись. Шансы есть. Есть самолет. Я постараюсь вас вывезти. Но если вы хотите пить. Или пи-пи. Или, мать вашу, жрать. То вам лучше не лететь. Это понятно?

Каролина сделала шаг вперед, но муж втянул ее обратно. Лишь легкое шипение раздалось из ее уст.

– Я спрашиваю – вам ясно? – продолжал Горецкий. – Если вы не согласны с требованиями экипажа, вы можете прогуляться на первый этаж и найти там какое-нибудь ответственное лицо. Попросить у него жалобную книгу. И оставить свою претензию. Не стесняйтесь.

– Действительно, угомоните сына, – вмешался Стас. Его сестра и девушка дружно закивали.

– Это ребенок! – взвилась Каролина. – Как я должна объяснить ему, что происходит? Как я могу заставить его молчать?

– Парень, – Стас наклонился к Севе, – ты мужик или нет? Заканчивай ныть.

– Вот заведешь своего ребенка, тогда будешь нас учить!

– А чего вы ждали? Детское кресло и питание? Из-за вашего ребенка и так все подвергают себя опасности.

– Ну, извините, – ухватив Севу за руку покрепче, Каролина пошла вперед.

– Вы тоже извините, – сказал Горецкий, – посмотрите-ка вон туда.

Он показывал куда-то за их спины. Сначала Вера подумала, что он имеет в виду часы и хочет обратить их внимание на то, сколько потрачено времени впустую, но потом увидела. Четверо мужчин стояли метрах в тридцати. У всех белесые глаза и лица в красных пятнах! Мужчины отрезали путь к эскалатору, а значит, и к спасительной подсобке. Но замерли они ненадолго, помотали головами, будто стряхивали сон. И, не сговариваясь, пошли вперед.

– К выходу на посадку! – скомандовал Горецкий.

Александра потащила подругу за рукав, и та, хоть и задыхалась от страха, побежала. Они неслись так быстро, что Вера готова была поклясться – она чувствует, как ее грудь в буквальном смысле режет воздух. Боясь того, что увидит позади, Вера все же оглянулась. Мужчины двигались странно, почти не поднимая ног, будто утюжили пол, – но при этом все равно быстро. А ведь нужно добраться до выхода. Потом еще преодолеть длинный коридор. И добежать по летному полю до самолета. Сева, которого отец тащит за руку, явно отстает. Он настолько велик, что любой взрослый потеряет в скорости, взяв его на руки. Но слишком мал, чтобы бежать наравне со всеми. Мальчика могут догнать. Скорее всего, догонят. Точно, догонят.

Горецкий остановился и выстрелил в мужчину, который вырвался вперед, – без сколько-нибудь заметного результата. Тот продолжал бежать так же споро, только из раны на груди показались красные пузыри. Пилот выстрелил во второй раз. Снова ничего. Невероятно – даже такие серьезные ранения не замедлили их бег.

Каролина закричала что-то мужу, показывая на погрузчик для багажа. Плохая идея. Эти машины развивают совсем небольшую скорость, их можно нагнать хорошей рысью. Преследователи двигаются быстрее. Зачем Каролина садится в эту машину и дергает рычаги? Она не увезет на ней сына от погони. Но замысел женщины на поверку обернулся спасением. Считанные секунды потребовались ей, чтобы разобраться, что к чему, и привести машину в движение, – секунды, за которые расстояние между нею и преследователями еще больше сократилось. Запустив свое средство передвижения, выжимая предельную скорость, Каролина направила машину на преследователей.

В момент столкновения не раздалось ни единого крика. Упали трое из четырех – не страйк, но все же. Каролина переехала двоих и развернулась. Один встал и, шатаясь, полез прямо на нее. Женщине повезло – ей удалось прижать его к стене. Но, когда машина сдала назад, вновь наезжая на поверженных спутников, мужчина снова разогнулся и пошел вперед. Следующий, более сильный удар заметно повредил его ногу.

Егор со Стасом уже набросились на четвертого, который все пытался запрыгнуть на погрузчик, и принялись колотить его головой об пол. Раздался хруст, наверное, сломалась затылочная кость. Мужчина сник, лишь его ноги продолжали конвульсивно вздрагивать. Остальные, хоть не могли подняться, все еще шевелились. Горецкий выстрелил в голову одному из них, и тот наконец затих. Пуля в лоб второму – тот же результат. Вскоре все преследователи лежали бездыханными.

Каролина сошла с машины и, обхватив голову подбежавшего к ней Севы, вжала ее в свой живот. На ее лице была такая мука, будто Сева грыз в ней дыру. «Ничего не скажешь, эта женщина достойна уважения», – подумала Вера.

– Не знал, что ты умеешь ездить на таких машинах, – сказал Каролине ошалевший муж.
– Я сама не знала, – заплакала она, – но там все так же, как в нашей.

* * *

– Все целы? – спросил Стас.

– Нет рыжего. Как его? Рома? – Егор попытался вытереть лицо, но только размазал кровь. – К выходу побежал. Заиграло очко. Не волнуйся, он на улице.

– Трус.

– Быстрее, быстрее, – торопил Горецкий, – бежим к выходу «Д». Это самый короткий терминал.

Мелочи, о которых они раньше не задумывались, стали вдруг крайне важны. Вот, например, теперь для них жизненно необходимо сэкономить какой-то десяток секунд. Коридор – самое опасное место. Драться в нем будет тесно и неудобно, но другой дороги на посадку нет. Слава богу, выход «Д» оказался пуст.

Казалось, какой-то великан поиграл на летном поле машинками и самолетиками. Всюду перевернутая техника и останки сгоревших самолетов.

– Места для разгона почти нет. Поэтому берем «Пилатус», – Горецкий показал на самолет, до которого было метров двести. Не самолет, а самолетик даже. – Ничего, что мал, зато удал. И всегда заправлен.

Хаос на летном поле освещало уже довольно уверенное солнце. Ни облачка. Хорошая погода для полета. И это, пожалуй, все, что есть у них хорошего.

Но, как только на него указал Горецкий, самолет неожиданно тронулся с места. Изящный одномоторный малыш-«Пилатус» вырулил на взлетную полосу, разбежался и легко и споро оторвался от земли...

– Я думал, мне показалось. Я видел его рыжую башку у самолета, – прошептал Горецкий.

– Рома? Улетел? – Приставив ладонь ко лбу, Егор смотрел, как удаляется их самолет. – Я подозревал, что он крыса.

Лицо его, и без того бледное, стало совсем белым. Егор вдруг тонко, по-бабьи закричал:

– Смотрите! Смотрите! – и даже подпрыгнул.

«Пилатус» уже взлетал, когда прямо на него рухнул Боинг, который, вероятно, затеял такую же рискованную посадку, как и они недавно. Но Боингу не повезло. Он накрыл собой малыша-«Пилатуса», как какую-то букашку, и, разломившись на две части, загорелся.

– Бабах! Как в кино, – сказал Сева, которому мать не успела закрыть глаза.

– Впервые вижу крушение самолета, – Егору, кажется, неловко за свой визг.

– Это крушение наших надежд, – прикрыл глаза Горецкий, – «Пилатус» был один.

* * *

Человек двадцать, пошатываясь, шли со стороны диспетчерской башни. Уставившись на горящий самолет, они не сразу их заметили. Боинг ухал, кряхтел и медленно разваливался на части, гигантский огненный цветок не спеша разворачивал лепестки. К ним подлетел горящий ком, плюхнулся прямо под ноги. Потом еще один, и еще. Затем из самой сердцевины цветка в небо устремился черный столб дыма. Жар обжигал лица. Если стоять в ста метрах от горящего самолета, то слезы не текут по щекам, а мгновенно испаряются. Сквозь зыбкий раскаленный воздух приближавшиеся казались привидениями.

Горецкий показал на выход «Д». Но оттуда вывалились на землю двое, мужчина и женщина. Мужчина упал на живот и пополз в их сторону. Женщина приземлилась на ноги и заковыляла, приседая, будто выделяла плясовые коленца. Из рта у нее текло что-то отвратительно-желтое и впитывалось в белую легкую кофточку. Капитан пальнул в нее, и она упала, раскинув руки. Горецкий поменял обойму.

Все происходящее было похоже на компьютерную игру. Только у персонажа игры есть выбор. Он может пойти грудью на толпу чудовищ, что приближается по левому флангу, и победить ее. Или обойти монстров, перепрыгнув через горящий автомобиль. Герой может и побежать назад. Если он сделает неправильный выбор, у него в запасе имеются еще одна-две жизни. Им же ошибиться нельзя. К тому же у компьютерного персонажа обычно есть

автомат, или сапоги-скороходы, или волшебная палочка. У них – только шестизарядный пистолет, один на всех. Была надежда – самолет, но его больше нет. Были силы, да иссякли.

Эти шли к ним как на параде, торжественно, степенно. Их было уже несколько десятков. Проходя вдоль стены аэропорта, к центральной колонне «парада» присоединялись дополнительные мини-колонны этих, с глазами мертвее, чем у падали. Куда бежать? Чудовища и впереди, и сбоку, ими полон аэропорт за спиной. Они сделали то, что сделал бы любой человек, – прижались к стене. «Парад» виден уже как на ладони. Можно рассмотреть перекошенные лица, покрытые сеткой фиолетовых жил, красные, как мясо, глаза без зрачков. Кажется, игра подходит к концу.

Но жизнь доказала, что она устроена интереснее любой игры. Вдали засигналил белый тупоносый автобус с двумя желтыми полосами на боках. Увидев такую машину, пассажиры делают недовольные лица и вздыхают: «О, господи, нас повезут к самолету в этом корыте?» Однако ничему еще в жизни они не радовались так, как этому корыту, которое, ворвавшись в самую гущу «парада», сбило троих марширующих. С хрустом перевалив через упавших, автобус сделал широкий разворот, задев при этом еще несколько этих. И подрулил к зданию аэропорта. Чудовища не прибавили хода, они продолжали идти как шли, и их не волновала судьба павших.

Дверь автобуса распахнулась. «Шевелитесь!» – крикнул водитель. Каролина буквально забросила Севу в кабину. Горецкий с Дашей, встав по обеим сторонам дверей, поддержали ее пухлого мужа. Александра замешкалась, мешала слишком узкая юбка, и экипажу пришлось ее подсаживать. Вера, Вика и Аида юркнули в салон ловко.

Когда эти были уже в паре метров, вперед вырвался человек с искалеченной рукой. Из обрывка полосатого рукава торчал обломок кости. «Быстрее!» – заорал водитель, и голос его сорвался. Но Стас пытался запихнуть в автобус Дашу прежде себя. Если бы не его галантность, они бы наверняка выиграли секунду, которой им и не хватило: этот успел царапнуть Дашину шею обломком кости, а другой, целой рукой ухватил ее за волосы. Стюардесса истошно завизжала. Горецкий выстрелил в этого и втащил Дашу внутрь, подхватив за форму. Двери, наконец, закрылись. Даша рухнула в объятия капитана и расплакалась.

– Все-все, успокойся, – Горецкий старался говорить как можно спокойнее, но голос его предательски дрожал.

Зазвенело разбитое стекло. Осколки посыпались на сидящую у окна Вику. Сразу несколько испещренных лиловыми венами рук принялись нетерпеливо ощупывать образовавшуюся дыру. Завизжав, Вика прыгнула в проход между сиденьями.

В оконном проеме показалось лицо одного из этих – не любопытное, скорее равнодушное. Автобус рванул с места, стряхнув с себя этих, и покатил по летному полю. Машину подбрасывало, когда она наезжала на мертвые тела. Водителю то и дело приходилось лавировать между обломками и брошенной техникой. Наконец старенький автобус подрулил к диспетчерской башне. Водитель высунулся в салон. Погладил короткий «ежик» волос, вздохнул, но ничего не сказал.

– Почему вы не открыли вторую дверь? Их же две, – таков был первый вопрос спасенных пассажиров, и задала его, конечно же, Каролина.

– Она не открывается, – пожал плечами водитель.

Ответ почему-то развеселил женщину. «Не открывается...» – повторяла она между приступами булькающего хихиканья. Водитель тоже рассмеялся. То была, конечно, не радость, а истерика.

– А как вы поняли, что мы – не такие, как эти? – продолжала расспрашивать водителя женщина. От смеха на глазах Каролины выступили слезы, она размазывала их по лицу, забыв про тушь.

– Эти молча ходят, не визжат. А вы орал так, что в городе было слышно. Не надо так делать, они на звук набегают. А так – они тихо себя ведут. Ходят по стенке или вообще как уснули.

Водитель рассматривал пассажиров, задерживая взгляд на женщинах. Из-за высокого голоса и смешного «ежика» на голове он мог показаться мальчишкой, хотя складки у губ и «гусиные лапки» выдавали человека зрелого. Простой, грубоватый круглоголовый парень. Такие обычно попивают пиво у подъездов. Единственное, что могло по-настоящему заинтересовать в его наружности, – это форма одежды водителя. На нем была куртка-спецовка с длинными рукавами и почему-то «семейные» в синий цветочек трусы.

– Саня, – представился он и добавил радостно: – Я уж и не чаял встретить кого-нибудь нормального. В аэропорту только эти.

– Что здесь случилось? – спросил Горецкий.

Саня молчал.

– Так что же, Александр?

– Да я сам не понял. Сажу в автобусе, завелся, все путем, – неохотно начал Саня. – Жду пассажиров. Рядом Пашка целый автобус набрал, чтобы к самолету на Ростов везти. Набились битком. Но все никак не отъедут. Пригляделся – мамочки! Люди заходили нормальные, а стали вот такие, – он скорчил гримасу, довольно похоже изобразив, какими стали люди. – Это за две минуты всего. Всех перекорежило. И Пашка такой же за рулем сидит.

Голос Сани немного окреп, и он продолжал:

– И у всех автобусов то же самое – один укусит кого-нибудь, и пошло-поехало, все начинают кусаться. Где теснее, там быстрее все друг друга перепортят.

Сначала орал, потом тихо стало. Кого укусили, тот сразу орать перестает, руки вытянул вперед и пошел...

– Давно все это началось?

– Не знаю. Несколько часов. Диспетчеры по громкой связи чирикнули: «Тревога, ЧП», – потом замолчали. Наверное, их тоже перекусили.

– Это все, что вы нам можете сказать? Вот так ни с того ни с сего? – наседал на Саню Горецкий.

– Да, вот так. Раз – и всем хана, – промямлил Саня.

– Слушайте, из вас все клещами тянуть надо? – взорвался капитан. – Говорите!

– Что вы на него напали? – встрял доктор. – У человека стресс, неужели непонятно? Ездит среди чудовищ совсем один.

– А мне кажется, он просто чего-то недоговаривает, – отрезал Горецкий.

– Ну хорошо, хорошо, – вздохнул Саня, – дрых я, когда началась заваруха. Довольны? Спал в подсобке. Прикорнул во время перерыва и проспал. А что? Я устаю знаете как? Так что не в курсе, с чего все началось. Уж извините.

– Мы вас ни в чем не упрекаем, – подбодрил его доктор Шер. – Мы просто хотим разобраться...

– Я вот – упрекаю, – вставил Горецкий, – я его что, должен похвалить за то, что он дрых?

– Ну, извините. Я вышел из подсобки, увидел, что кругом полный пипец, и побежал к автобусу. Один хрен, что делать, непонятно. Езжу вот теперь...

– А в сам аэропорт вы ходили?

– Я не дурак, – нервно признался Саня, – туда ходить. Что я должен был делать? С кем надо – связался. Ответа не получил. И уехал.

Саня спрятал лицо в ладонях, а когда отнял их, глаза у него были мокрыми.

– Зато я съездил в город, – сказал он.

– И?

– Там еще хуже. Я далеко не заезжал, доехал до «Московской». Рынок стал как муравейник. У метро – жуть. Людей тысячи, и все – эти. Нормальных не встретил ни одного. Если они и есть, то сидят по домам. Спаслись на улице шансов никаких. На дорогах везде битые машины. Так что домой не поехал. Вернулся.

– Господи, что же все-таки произошло? – прошептала Вера. – Как вы полагаете?

– Ничего я не полагаю. Ученые пусть полагают, – буркнул Саня.

– Ну не могло же все начаться с бухты-барахты! Что объявляли в новостях? – продолжал наседать Горецкий. – Предупреждали о каких-нибудь эпидемиях?

– Только об эпидемии птичьего гриппа. Все как всегда: «Предохраняйтесь. Колите вакцину „Х“!» Будто она помогает.

– Да, тут не птичий грипп, тут кое-что похуже, – согласился Горецкий.

– Снова пытаюсь зайти в Интернет, – сказал Валентин, уставившись в телефон. – Ничего. Интернет есть, а новости не обновляются.

– В общем, крыша у меня слегка поехала. Я принялся этих давить. Стало легче, – признался Саня и уставился в окно на черный дым от погибшего Боинга.

Горецкий заговорил неожиданно резко:

– А ты, голубь, всегда в трусах работаешь? – Пилот впился глазами в Санино лицо. – Ты прямо в них побежал в автобус? Или по дороге штаны потерял?

Саня потупил взгляд.

– Ты нам мозг не пудри. Все рассказывай.

Саня всхлипнул. Стюардесса Даша укоризненно взглянула на Горецкого, мол, тут лаской надо, а не наезжать.

– В общем, я не совсем спал. Я, когда это началось, с женщиной... был. Она сверху, все путем, и тут... Дверь открывается, и кто-то входит. И хватает Светку за волосы, представляете? И кусает в шею! Я сначала не испугался, а обалдел. Нормально это вообще? Прямо посреди страстей. Но тут Светка посмотрела на меня, а глаза у нее стали... В общем, вы поняли. И тут-то я понял, что случился какой-то кобздец. Стряхнул Светку с себя и побежал куда подальше. Трусы, слава богу, за ногу зацепились. А все, что я рассказал дальше, – чистая правда.

– Бедолага, – сказала Даша и, сморщившись от боли, принялась тереть шею.

– Ладно, хватит расспросов. Поехали отсюда, – грубовато заявил Саня, – видите, идут. Две минуты на одном месте не дают постоять.

Пятеро этих действительно шли к ним. На какое-то время они остановились возле трупов раздавленных автобусом товарищей. Но трупы их не заинтересовали.

– Трупы они не кусают и не едят, – прокомментировал Саня. – Только живых.

– Что такое? – спросил Горецкий озабоченно, глядя на Дашу. – Тебя же не укусили?

– Нет, он только чуть-чуть поцарапал, – прошептала та.

– Э! Э! – завопил Саня и, вскочив с места, подбежал к ней. – Дай посмотреть.

– Он ее не кусал! Просто слегка задел, – Горецкий встал между стюардессой и Саней.

Но водитель отодвинул Горецкого (хотя ноги у него были тощие, под рукавами спецовки обнаружались солидные бицепсы) и потребовал:

– Покажи!

По лицу Даши катились слезы, но она оттянула воротник. Тонкая, чуть припухшая лиловая царапина была всего три-четыре сантиметра длиной. Саня выматерился так, что хоть святых выноси.

– Это всего лишь царапина, – набычился Горецкий.

– Какая, нахрен, разница! Всяко можно заразиться. Я из-за этой телки помирать не собираюсь.

Даша заплакала навзрыд. Она не видела, что царапина стремительно набухает, и от нее уже тянутся во все стороны тонкие жилки. Саня показал на шею девушки пальцем, как будто обвинял Дашу. Вера тоже сунулась посмотреть – и ойкнула.

– Хорошо, – сказала вдруг слабым голосом Даша и встала, опираясь на руку Горецкого. И обратилась к Сане: – Открой дверь, пожалуйста. Я сойду.

Тот не заставил себя упрашивать.

– Нет! – закричала Вера.

– А вы что молчите? – Она забарабанила кулаками по спине сидевшего впереди доктора. – Сделайте что-нибудь! Она за нас всех... погибнуть была готова! Она о нас заботилась! Собой рисковала!

Доктор обернулся и лишь молча посмотрел на Веру долгим взглядом.

Даша сделала предупреждающий жест рукой и спрыгнула на асфальт.

Ее появление вызвало оживление среди этих, которые находились метрах в пятидесяти от автобуса.

– Даша! – Горецкий спрыгнул вслед за девушкой.

– Что ты делаешь? Вернись в автобус! – закричала она. Затем по ее лицу прошла судорога, а глаза помутнели. Жилки, что тянулись от царапины, разрастаясь, уже достигли губ.

– Даша. Извини, что вел себя как свинья. Конечно, я все помню. Это была прекрасная ночь. Одна из лучших в моей жизни. Просто я собирался сказать тебе об этом в более приятной обстановке. – Произнеся это, Горецкий выстрелил Даше в голову. Кровь забрызгала осунувшееся лицо Горецкого красными веснушками. Капитан закрыл глаза. Эти были уже совсем близко. Поводили ноздрями, принюхивались.

– Вот так, в упор, чтобы забрызгало, стрелять не надо. Может, через кровь тоже можно заразиться, – это сказал Саня.

Горецкий зашел в автобус и, взяв водителя за грудки, шваркнул его головой о дверь.

– Сейчас-то я что не так сказал? – просипел Саня, держась за затылок.

– Она не телка. Телки – в коровнике! Ясно тебе? – Горецкий ударил его еще раз.

– Он не виноват! – запричитала Аида, самая молодая, почти еще девочка.

– Не виноват? – зарычал капитан. – Дверь, между прочим, он мог бы и починить. Это его автобус. Он за него отвечает! Работала бы дверь, была бы жива Даша! А он – трахается! Телки... нет, вы только...

– Парни! Аут! Аут! Успокойтесь. Что теперь поделаешь, – вскочил Стас. Следом за ним встал со своего места и Егор.

Грудь Горецкого еще вздымалась, но уже было понятно – драться он больше не станет. Саня потер лицо. На него было жалко смотреть. «Парни» – назвал их Стас. Но он выбрал крайне неудачное обращение. Горецкий сейчас выглядел едва ли не стариком. Санино же амплуа – вечный «пацан».

– Ну что, поехали? – буркнул водитель, устроившись за рулем и трогая затылок. Он хотел, судя по его виду, провалиться сквозь землю.

– Куда? – спросил Сева.

– Хороший вопрос, парень, – Саня осторожно объехал труп Даши, – не знаю. Поесть хотя бы найдем. Сутки не жравши.

* * *

На выезде из аэропорта, прямо посреди проезжей части, стоял микроавтобус. Новехонький и нарядный, будто в пике Саниному корыту. Бока машины украшала реклама чего-то яркого, красочного, но рассмотреть ее было невозможно, потому что машину облепили люди: трогали, царапали, некоторые даже пытались укусить. Даже с расстояния двухсот

метров можно было поставить этим существам диагноз. Внезапное бешенство? Массовый психоз? Как бы ни называлась эта болезнь, признаки ее у всех были налицо. Одна из этих, женщина с длинными светлыми волосами, будто устав сражаться с микроавтобусом, упала как подкошенная и осталась лежать, не обращая внимания на то, что по ней топчутся чужие ноги.

– Что за хрень? – Саня притормозил. – Когда я проезжал тут в прошлый раз, его не было.

Люк микроавтобуса открылся, и из него на мгновение показалась человеческая рука. Посигналив, рука снова скрылась в салоне. Кто-то взывал о помощи.

– Теперь смотрите, как надо, – Саня стал протяжно сигналить, пока эти не повернулись на звук. Тогда водитель открыл дверь и, выскочив на улицу, закричал:

– Я здесь!

В рядах этих настало оживление. Медленно, словно не веря в то, что видят, они двинулись к Сане. На месте осталась только женщина, которая упала. Она так и продолжала лежать, глядя в небо. Не дав людям приблизиться, Саня снова заскочил в автобус и, отъехав на несколько метров, снова посигналил. Наживка была проглочена. Эти пошли следом. Сане удалось понемногу отвести их от осажденной машины.

– Я открою дверь, а ты запрыгивай! – проорал он в окно кабины.

Оставалось надеяться, что в микроавтобусе его услышали.

И тут Саня продемонстрировал класс. Он дал этим подойти вплотную, а затем лихо развернулся и направил машину к микроавтобусу, оставив преследователей позади. План его был понят правильно – из микроавтобуса выскочил человек и побежал к ним на всех парах. Правда, при этом человек сделал странную вещь: наклонившись над лежащей женщиной, он сорвал с нее сумку. Той было все равно. Она лишь подняла руку в вялом протесте и снова опустила ее. Мужчина запрыгнул на подножку и уже через секунду был в салоне.

– Нет, вы видели? – спросил он, тяжело дыша.

Ему не ответили. Спасенным оказался их попутчик, единственный пассажир, летевший бизнес-классом, Игорь Самохвалов.

– Что ж вы не уехали? Заглохли? – иронично поинтересовалась Каролина.

– Заглох, будь оно неладно.

– А где же ваша дорогая иномарка? Почему на автобусе?

– До иномарки дойти еще нужно было.

– А сумочка вам дамская, простите, зачем?

– В сумочке телефон... все время звонил.

Каролина собралась еще что-то съзвить, но, осознав, что означает словосочетание «звонящий телефон», лишь открыла рот.

Глава 3

«Дом поросенка должен быть крепостью»

– Ехать в город вечером с одним пистолетом на всех? Проще сразу умереть, – сказал Горещкий, – Саня может, конечно, развезти всех по домам. Но мы, скорее всего, даже не сможем в них войти. Лучше отъехать куда-нибудь подальше и спать в автобусе.

– Ладно, гаврики. Можно ко мне на дачу, – предложил Самохвалов.

– Зачем нам ехать на вашу дачу? – удивился Саня. – Там тоже небось кишат.

– Вокруг моей дачи высокий забор. Не хочешь, можешь не ехать.

– Хочу-хочу. Что вы сразу.

– Мама! Как же мама! – всхлипнула Аида. – Стас, скажи ему, чтобы отвез нас к маме!

Стас попытался обнять сестру, но та, пыхтя и шмыгая носом, увернулась.

– Открой, я выйду! – приказала она Сане.

– Миленькая, успокойся... – начала Лидия Вячеславовна.

– Заткнитесь! Вам легко меня поучать. Вас-то дома никто не ждет!

– Да сколько можно, в конце концов? Ты что, одна тут страдаешь? – вспыхнула Каролина.

Аида бросилась к ней, шипя как кошка, но Стас успел схватить ее за шкуру.

– Твоя семья здесь, – Аида вырывалась. – С тобой! И если ты скажешь еще хоть слово про мою семью, я тебя убью.

– Угмонитесь она когда-нибудь? – процедила Каролина и повернулась к Самохвалову: – Что вы там говорили про дачу?

– Да, правда, Аида, – вкрадчиво сказала Вика, – ничего не поделаешь. Сначала нужно спастись самим.

– Еще одна советчица! Ты-то куда лезешь? Твоя семья в Хабаровске! Не тебе меня учить.

Потом Аида расплакалась на плече у Лидии Вячеславовны, и та заплакала тоже. Стас кивнул водителю. Автобус тронулся. Аида демонстративно смотрела в окно.

Путь им преградил сгоревший автомобиль. Обогнув его, Саня уперся в следующий. Вереница брошенных помятых машин тянулась сколько хватало глаз.

– Быстро ехать не получится, – заметил водитель, заезжая колесом на тротуар. Автобус накренился. Московский проспект стал свалкой разбитых машин. Гудки сигнализаций сливались в душераздирающий вой. Саня прикрыл окно, в салоне стало тише. Зато теперь хорошо было слышно, как плачут Аида и Лидия Вячеславовна.

– Да, в аэропорту были еще цветочки, – заметил Стас, разглядывая толпу этих, облепивших покореженную синюю легковушку, – их тут тьма-тьмущая.

– Почему они выбрали эту машину? Других же навалом, – Саня осторожно объезжал место аварии. Загадка оказалась несложной. Из-под дверцы синей машины натекла целая лужа крови.

Между брошенных автомобилей, натыкаясь друг на друга, бродили люди.

– Все! Вы слышите! Они все теперь такие. Дурной сон, – Вера зажала рот ладонью.

К окну прижалось изуродованное лицо с мертвыми глазами. Мужчина оскалил зубы, глядя на Вику, и та нервно пересела подальше. Мужчина попытался ухватиться за стекло, но автобус, прибавив ходу, заставил его упасть. С десятков этих прошлись по лежащему, торопясь за автобусом.

Машина вздрогнула – Саня сбил пешехода.

– Он был нормальный? – взвизгнула Аида.

– Да нет же, – лицо Сани перекошило от напряжения. Он снова попытался объехать по тротуару скопление разбитых машин. Одна полностью выгорела, но остальные каким-то чудом уцелели.

– Нормальный!

– Тебе уже мерещится, – убеждал девушку водитель, – долго бы тут гулял... нормальный?

Потом Саня сбил ребенка. Два раза автобус слегка подбросило, когда он переваливался через невысокое препятствие.

– Не надо смотреть, – водитель скосил глаза на Аиду.

– Ребенка-то можно было не давить! – процедила она.

– Заткнись. Не до церемоний. Надо выезжать отсюда.

Впереди целая толпа запрудила проезжую часть и тротуар. Не спеша, едва не крадучись, Саня ввинчивал машину в людскую массу. Тела медленно, неохотно поддавались. Порой слышался хруст или чавкающий звук. Снизу на стекло тонкой стружкой брызнула кровь – как омыватель для стекол.

Тот, кого они переехали, продолжал шевелиться. Барахтался на асфальте, дергал переломанными ногами.

– Боже, почему они не умирают? – спросила Вера. Каролина закрыла сыну глаза и скорчила Вере гримасу, мол, не надо привлекать внимание ребенка.

– Отпусти меня! – рвался Сева. – Дай посмотреть.

– Тут ничего интересного, – убеждала его мать, – просто все заболели.

– И что? Нельзя смотреть на больных?

– На таких – нельзя.

– Почему?

Каролина лишь вздохнула.

«Больные» бродили по открытой террасе ресторана, где, судя по вывеске, подавали недешевые стейки. Переворачивали столики, опрокидывая бутылки дорогого вина и дорогие же куски мяса. Жареное мясо их не интересовало. Когда автобус проезжал мимо, все повернулись к нему.

На перекрестке Ленинского и Московского зазвонил телефон, отнятый у женщины со светлыми волосами.

Каролина ахнула и даже отпустила Севу.

– Дай ответчу! – Мальчик схватил сумку.

– Нет, не ты!

Каролина смотрела на телефон так, будто не знала, как им пользоваться.

– Мама, не тупи! Включи на громкую связь.

– Алло, – произнесла она, наконец, едва слышно.

Сначала в трубке было тихо.

– Мама, – позвал тонкий голосок.

– Нет...

– А где мама?

– Мама... – Каролина скосила глаза на Горецкого. Тот лишь развел руками, мол, что тут сделаешь, говори как есть.

– С твоей мамой... в общем, она заболела. Очень тяжело.

В трубке снова повисла тишина. Возможно, ребенок не понял ее. Наконец он произнес:

– Если она кусается, ее нужно убить. Она кусается? Вместо ответа Каролина спросила:

– Как тебя зовут?

– Игнат.

– Игнат. Твоя мама... она кусается.

- Я понял. Я так и думал. Убейте ее.
- Каролина заплакала.
- Скажи, ты сейчас один?
- Нет. У меня на кухне тетя Валя и тетя Зоя.
- А они могут подойти к телефону?
- Нет.
- Почему?
- Я их закрыл.
- Ты их закрыл? Зачем?
- Потому что они кусаются. Мама сказала, нельзя, чтобы кусали.
- Игнат?
- Да.
- А есть кто-нибудь, кто... не кусается?
- Сейчас нет.
- А что, кто-то приходит к тебе?
- Конечно. Они звонят, а я им открываю.
- Игнат, скажи, пожалуйста, где ты находишься.
- Я в квартире номер сто семьдесят.
- А дом, дом какой? Улица? Мы хотим тебя забрать.
- Но я не хочу, чтобы вы меня забирали.
- Почему?
- Я останусь в квартире. Я никуда не хочу.
- Игнат, скажи нам, на какой улице ты живешь?

Но Игнат повесил трубку.

- Я перезвонила, но он не взял трубку, – сказала, наконец, Каролина. – Ну и разговор.
- Надо бы мальчишку разыскать, – заволновалась Лидия Вячеславовна.
- Как вы думаете, сколько в городе квартир номер сто семьдесят? Мы все их должны объехать? – спросил Саня.

Каролина больше не прикрывала Сeve глаза, и тот увлеченно смотрел по сторонам.

- Ух ты, – выдохнул мальчик. – А есть кто-нибудь, кто не болеет?
- Есть, наверное. Но они сидят дома, – сказала Каролина. – Чтобы... не заразиться.
- А мы тоже заболеем?
- Надеюсь, что нет.

Они миновали проспект Стачек. На Петергофском шоссе брошенных машин было гораздо меньше. Автобус прибавил ходу. За кварталами многоэтажных новостроек начали мелькать одноэтажные домики в зарослях сирени и щегольские коттеджи. Чем дальше от центра, тем чаще дома позволяли себе архитектурные изыски и заборы. Начиналась вотчина весьма обеспеченных людей.

Дом Игоря Самохвалова стоял на съезде с указателем «Ленино». Место малоприметное, далекое от остановок общественного транспорта. Забор – кирпичная стена, пронизанная по всему периметру бетонными основаниями на расстоянии двух метров друг от друга. Железные ворота подогнаны без зазора.

Двери старенького автобуса открылись, впуская в салон вечернюю прохладу, а вместе с ней тонкий, деликатный запах подсыхающей скошенной травы. Хороший, успокаивающий запах.

– Вылезает, – скомандовал Игорь. Похоже, он привык формулировать свои мысли кратко и, в основном, в повелительном наклонении.

Ворота лениво поехали в сторону, толстая кирпичная кладка втянула их в себя, мало помалу открывая взглядам двор. Игорь отстроил себе этакий «пряничный домик» – кокет-

ливо-кремовый двухэтажный коттедж. Здание имело кое-где вкрапления готического стиля: вытянутые окна, украшенные бордовым кирпичом, маленькая терраса на втором этаже, увенчанная острой крышей. Шторы в оконном проеме дерзко-красны. Цветовая гамма ни дать ни взять – кровь с молоком. Не такой уж большой двор. На ухоженном газоне стол и садовые стулья. Несколько портила вид времянка с подслеповатыми окошками, закрытая на навесной замок. Никаких клумб и прочих цветочных изысков, лишь у забора несколько яблонь (между листов заметны даже на взгляд кислые зеленушки-плоды) и березок.

– Рита! Марик! – позвал Игорь взволнованно. Не дождавшись ответа, он закрыл ворота и ушел за дом.

– Кого он, интересно, ищет? – шепотом спросила Аида и добавила: – Теперь я понимаю, что значит «как за каменной стеной».

– Да, хоть этот Игорь и неприятный, но у него безопасно, – согласилась Каролина.

Сева гладил зеленую щетину газона.

– Мягкая, как волосики, – радовался он.

– Он вернется, интересно? – Каролина покосилась на дом. – Мы, конечно, не просим, чтобы за нами ухаживали, но... Что за пренебрежение?

– Не лезьте на рожон, – попросил ее Горецкий.

– Вы же командир, поговорите с ним! Нравится ему или нет, эту ночь нам придется спать здесь. Он сам предложил! Пусть скажет, что можно трогать, а что нельзя. Мы тоже, в конце концов, хотим отдохнуть.

Наконец мамаша сама решительно отправилась за дом, и Горецкий, вздохнув, поплелся за ней. Вскоре оттуда раздался крик Каролины.

С тыла «средневековую» нарядность коттеджа несколько портила роллетная дверь гаража, открытая до середины. Игорь стоял на коленях перед чем-то, похожим на маленький стожок сена, и будто молился. «Стожок» оказался собакой. Их ввела в заблуждение соломенного оттенка шерсть на боках. На спине цвет сгущался практически до черного. Привалившись к стене гаража, лежала крупная немецкая овчарка. Игорь поглаживал голову животного и нежно приговаривал: «Рита, Рита, хорошая моя девочка». В ответ на ласку хозяина Рита слегка виляла хвостом. Каролина сунулась было поближе, но отскочила, закрыв рот ладонью. На животе собаки зияла огромная рана, в которой виднелись ребра. Вываленные на землю кишки напоминали ком из дождевых червей. Розовый язык свесился набок, будто овчарка чему-то радовалась. Рита была буквально разорвана пополам. Ее глаза уже подернулись пеленой, которая яснее любых слов говорила о том, что осталось ей недолго. Трава была примята, вероятно, животное ползло в сторону гаража, волоча за собой собственные внутренности.

– Кто там из вас врач? – спросил Игорь ровным тоном.

– Мне очень жаль, но ей уже не поможешь... – начал было Горецкий, выбрав самые успокаивающие интонации, которые столько раз приводили в чувство пассажиров. Но Игорь, с неожиданным для своей полноты проворством, схватил пилота за рубашку так, что хрустнули нитки.

– Врача. Сюда. Быстро! – хрипло заорал он.

– Что тут...? – К ним уже спешил доктор Шер, но, увидев собаку, встал как вкопанный. Рита продолжала вилять хвостом, но движения его становились все слабее.

– Ты врач! – сказал Игорь. – Говори, что можно сделать?

Но Георгий Яковлевич лишь закатил глаза и стал трепать свою золотистую шевелюру, будто сам задавал себе взбучку.

– Ничего уже не сделаешь, – сказал он наконец.

Но Игоря такой ответ не устроил, видимо, он полагал, что если будет энергичнее трясти эскулапа, то вытрясет из него согласие.

Пришли остальные.

– Давай говори! – не унимался Игорь. – Зашить ее можешь? Что у тебя есть с собой?

Небось возишь в сумке полаптеки.

Врач, наконец, оторвал от себя руки Самохвалова и произнес медленно и четко:

– Ей уже не поможешь.

Рита тихо заскулила, будто соглашаясь с доктором, и Игорь снова принялся ее гладить.

От ее шерсти плыл дух здоровенной псины, запах, который для истинного собачника приятнее аромата любых духов.

– Попробуй ее заштопать, – шипел хозяин.

Но врач покрутил пальцем у виска, глядя на него как на неразумного ребенка.

Они стояли нос к носу, сблизившись озлобленными лицами. Какими же разными были эти мужчины, хоть и примерно одного возраста. Анализ геометрии их голов доставил бы немало приятных минут какому-нибудь физиогномисту. Игорь весь состоял из жестких, изломанных линий – крючковатый нос, скошенный лоб, брови филина, жидкие, залезанные назад волосы. Рот – малозаметная прорезь над квадратным подбородком. Лицо же доктора – отрада для любителя правильных форм и пропорций. Округлые, красиво очерченные губы, слегка курносый, но очень аккуратный нос с легкими, изящными крыльями, высокий лоб мыслителя под шапкой курчавых, золотистых, как у Есенина, волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.